

ПЬЕТРО АРЕТИНО

ФИЛОСОФ

Перевод
A Габричевского

Великодушному Герцогу Урбинскому

После того как предивная Республика Венецианская, вручив Вашему сверхчеловеческому Превосходительству и жезл и стяг главного правителя и главного начальника над войсками, после того, говорю я, как, вручив их Вам со всей торжественностью, достойной венчания любого императора или короля, она способствовала тому, что целокупности славных Ваших доблестей возрадовались не только все люди, покорствующие священной воле сего вечного божьего града, но и щедрая итальянская нация вкупе со всеми народами, подвластными скипетру Вашей именитой державы, я был твердо уверен в том, что, обнародуя сию комедию, сочиненную по Вашему настанию, и выпуская ее в свет по случаю столь высокого всеобщего ликования, я тем самым оглашаю ее и перед любым сообществом достойных людей. Ибо, не сделав этого, я среди стольких оказываемых Вам знаков почтения не имел бы иной возможности проявить глубочайшую радость, испытываемую каждым из нас. Я знаю, что не постижимая Ваша доброта простит мне ошибку, которую я допустил, напечатав ее здесь в Венеции, прежде чем Вы насладитесь ею там в Пезаро в последний день мая MDXLVI

*Ваш покорный, всем обязанный Вам слуга
Пьетро Артино*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Радико, лакей Полидоро.
Мéа, бывшая служанка в доме у Боккаччо.
Бéтта, сдающая комнаты.
Бокáччо, торговец драгоценностями.
Платаристотель, философ.
Сальвалáльо, его слуга.
Монна Пáпа, геша мессера Платаристотеля.
Служанка монны Папы.
Донна Дру́да, приятельница монны Папы.
Полидóро, влюбленный.
Гарбúльо, приятель Сальвалальо.
Мадонна Тéсса, жена философа.
Непитéла, ее служанка.
Тúллия, блудница.
Лиза, ее наперсница.
Главный стражник.
Стражники.
Каччадьяджи, кот Туллии.
Первый вор }
Второй вор } намеревающиеся раздеть покойника.
Полупоп.
Кьетíно, ханжа } желающие ограбить
Сфратáто, расстрига } того же покойника.
Мальчик на побегушках у мессера Платаристотеля.
Осел.

СОДЕРЖАНИЕ И ПРОЛОГ

— Всякий, кто потешается и издевается над снами, не меньший безумец, чем тот, кто, поверив в них, предается мечтам. В самом деле, нынче ночью (расхрапевшись как проклятый) я увидел *visu, verbo et ore* всю, как ни на есть всю эту прекрасную и изысканную постановку: скажу больше, я услышал облеченные в форму комедии не только побасенки перуджинца Андреуччо в духе «Становелл», но и болтовню некоего лжефилософа, который, не будь он помянут лихом, запер вице-мужа своей супруги в собственном своем кабинете. И пока этот философ сломя голову бегал к теще похвастаться своими рогами изобилия, его дражайшая половина мигом схитрила так, что вместо любовника он застал по возвращении уморительный переполох. К тому же, клянусь честью, господа, мне приснился тот самый город, который я сейчас вижу наяву! Вы, пожалуй, заставите меня сказать, что это местечко по благородству и прочим достоинствам не уступит не только земному раю, но и Сиене. Правда, аравийская природа влила в него глину ртути, но

что касается высшего света — того круга, в котором протекают причуды, свойственные столь прекрасному климату, — дарован ей *gratia gratis*, ибо все великое помечено пробой «*Coeli Coelorum*». Ведь здесь, чтобы не сорвать, летом — либо блещут молнии, либо пышет зной, зимой — либо падает снег, либо льет как из ведра, день — либо долг, либо короток, ночь — либо струится, либо рассеивается, земля — либо сохнет, либо зеленеет, погода — либо облачная, либо ясная, огонь — либо разгорается, либо гаснет, вода — либо прозрачная, либо мутная, солнце — либо встает, либо садится, луна — либо круглая, либо ущербная, звезды — либо видны, либо скрыты, деревья — либо одеты, либо обнажены. О том, что нынче пятница, а завтра суббота, я умалчиваю; не говорю я и о том, когда праздник, а когда будни; ни словом не обмолвлюсь и о том, когда постное мясо показано ханже, а когда лютеранину; правда, о времени я возглашаю: «*O quam sit! quam sit!*» — поскольку этот здоровенный ишак, хряк или пропойца никогда, никогда, никогда не меняет своей повадки, ведь он из младенца не превращается в ребенка, из ребенка — в подростка, из подростка — в юношу, из юноши — в мужа, из мужа — в старика, из старика — в развалину, из развалины... а там уж пускай его донимает шанкр, покуда я не скажу ему: «Вон отсюда», зато смерть-воровка, смерть-виселица, смерть-предательница — вот кто снижает у нас с глаза бельмо, пока мы все еще дожидаемся, когда же кто-

либо из жаждущих жить впадет наконец в дистрофо. Словом, только большие господа никогда не изменяют своей мечте. И, конечно, их высочество — основы основ всякой устойчивости, а отсюда и проистекает то, что, мириясь и воюя по своему усмотрению, они всегда остаются на той же точке. Но я готов им это простить, ибо, невзирая на коловращение затейницы Фортуны, небеса персонально никогда, ни на мгновение не останавливаются, настолько у них в башке всегда что-нибудь толковое да бродит! А раз это так, то уж никак нельзя простить Купидону, который там ночует с богиней, а здесь до крови расчесывает скребком свою паршу; нельзя прощать и деньгам, которые приходят к нам медленными шажками, а убегают от нас вскачь; зато *urgbi gratia*, жители вышеназванного города, заслуживают снисхождения, ибо они, примирившись в шутку, прощают друг другу головы взаправду.

Однако, так как уже появились две судачащие кумушки, я спрячусь здесь, дабы уяснить себе окончательно, не превратился ли мой сон в явь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меа. Бетта.

Меа. Откуда ты взялась, Бетта?

Бетта. Только что сдала комнату Ченче, которая, как тебе сказать... брюхата так, как только можно быть брюхатой на этом свете.

Меа. Не может быть!

Бетта. О, если бы это было не так!

Меа. И все-таки ходит к проповеди и постится?

Бетта. Каждой кошке — свой март, сестрица.

Меа. А теперь скажи: как у тебя дела со сдачей комнат?

Бетта. Концы с концами кое-как свожу; не далее как вчера одну из них снял какой-то скрупщик драгоценных камней. Клянусь крестом господним, он при деяньях, и я это знаю, ибо он, что ни слово, тащит из рукава полный кошелек.

Меа. Смотри, как бы жулики за него ие принялись.

Бетта. Ои из Перуджи, больше я о нем ничего не знаю; зовут его Боккаччо, и он стреляный воробей.

Меа. Это ты всерьез?

Бетта. Да уж хочешь — верь, хочешь — не верь.

Меа. Так, значит, он оттуда?

Бетта. Я же тебе сказала.

Меа. И зовут его Боккаччо?

Бетта. Ни больше ни меньше.

Меа. Так это мой хозяин, я выросла у него в доме: дай-ка мие поговорить с ним, дай на него взглянуть!

Бетта. Он не замедлит прийти, если только его не задержит покупка разных побрякушек, которые ему приглянулись. Но вот и он перед тобой; разговаривай, а я уж лучше поднимусь наверх.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Боккаччо, Меа.

Боккаччо. Что за скряги, что за тараканье отродье! Откуда только такие склочники берутся! Ради одного гавенного дуката они расторгают сделку на целых пятьсот. Но я своего добьюсь, хоть ты тресни. Однако кто эта женщина?

Меа. Мессер...

Боккаччо. Кого я вижу!

Меа. Хозяин...

Боккаччо. Меа!

Меа. Живые всегда рано или поздно встречаются.

Боккаччо. Дай руку!

Меа. Здравствуйте и в добрый час!

Боккаччо. Ты у кого служишь?

Меа. Теперь я сама по себе.

Боккаччо. Молодец!

Меа. Кое-какие сбереженьца у меня есть, на меня заглядываются, я здорова и с божьей помощью коротаю время.

Боккаччо. Кто же тебя сманил из моего дома? Как ты сюда попала? И что ты думаешь делать дальше?

Меа. Сейчас все объясню.

Боккаччо. Зайдем сюда, и пусть этот малый разглагольствует себе вволю один.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Радикко, один.

— Тот, кто дал моему хозяину имя Полидоро, был человек толковый. И, уж конечно, никакое другое, как бы красиво оно ии было, не стоило бы ломаного гроша. Ведь нет замужней женщины, которая перед ним не стушевалась

бы, да и само зеркало должно, казалось бы, треснуть, видя, как он перед ним разучивает всякие полуулыбки, целые улыбки, корчит поимывающие взгляды, разучивает сдержанные манеры и размалевывает себе лицо, как самая заправская уличная бабенка; нет журавля, который поднимал бы ноги с такой важностью, как он, и ставил бы их с такой осторожностью, словно ставит их на вату; говорит он с весом, отрывисто, выпаливая одно за другим многозначительные изречения: но более всего претит мне то, что люди, которые не говорят ему «да, синьор» и «нет, синьор», приводят его в ярость, как, например, некая хорошо мне известная докторица. И интересно, откуда у него такое взялось? Ведь не говорил же его отец, беседуя сам с собой, «превосходительство ваше» и «ваше превосходительство». Но вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полидоро, Радикко.

Полидоро. Скажи, слышно ли, что я опрыскивался душистыми водами и обсыпался душистыми порошками?

Радикко. У которых заложен нос, и те локлялись бы, что это так.

Полидоро. А что ты думаешь о божественном и сверхнебесном лице моей желанной?

Радикко. Все самое лучшее.

Полидоро. А замечал ли ты на млече ее ланит тот игривый румянец, который по иим разливает нестыд. Но любовное желанье?

Радикко. Настолько я не приглядываюсь.

Полидоро. Из сочетания ее столь изящно подобранных слов возникает некий волнующий нас дух, в сопряжении их чувствуется душа, которая, в силу свойственного ей ангельского звучания, восхищает сердца тех, кто им внимает.

Радикко. Верю всему, что вы говорите; однако, по моему вкусу, все чепуха, кроме пунцовых, толстых щек какой-нибудь здоровой служанки. Эти щеки вместе со словечками, которые гнездятся между ними, и вместе с

тёми пряностями, на которых замешиваются торты, способны распалить самого строгого капуцина. Не говоря уже о том, что ради достижения их любви не приходится ни плакать, ни вздыхать, ни изводить себя в ожидании времени и часа, не приходится лазать по веревочным лестницам и по крышам с опасностью быть разрубленным на мелкие куски, посаженным в бочку или сожженым в стогу сена, куда отпетые безумцы иной раз и прячутся. Во всей Кья д'Адде не сыскать любовных утех, которые можно было бы сравнить с тем, что способна дать любая из этих милашек. Одни добротные их объятия способны...

Полидоро. Тьфу ты! Мне всегда бывает смешно, когда...

Радиккьо. А вот послушай...

Полидоро. Тошно тебя слушать!

Радиккьо. О, как они прелестны в белых передничках, голубых юбочках и зеленых лифчиках! Все парчи, атласы да бархаты ин гроша в сравнении с ними не стоят.

Полидоро. Болван!

Радиккьо. А красные башмачки, которые они надеваю по воскресеньям, так, прости господи, и сияют у них на ножках...

Полидоро. Ой-ой!

Радиккьо. Среди них найдутся такие, что соблазнят не то что хозяина, саму хозяйку... О, как им к лицу белые рубашонки! Будь моя воля, я всех их произвел бы в графини. Только ума не приложу, где у них под этакоймякотью прячутся кости! Огонь-то какой во всем теле! Какие у них груди, какие руки, какие губки, какие зубки, какие язычки, какое дыхание!

Полидоро. Идет философ. Пойдем отсюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Платаристотель, Сальвалальо.

Платаристотель. Женщины, отличающиеся скучностью ума и изобилием недугов...

Сальвалальо. Он бредит, но вроде лихорадки нет...

Платаристотель. Необходимость — неподкупный страж женского целомудрия.

Сальвалальо. Domine, ita!

Платаристотель. Неприкаянных женщин легко сорвать.

Сальвалальо. Куда там Петrarке!

Платаристотель. Тот, кто удовлетворяет свои похотливые желания, требуя того же от своей подруги, подобен женщине, призывающей своему мужу бороться с врагами, которым он уже сдался.

Сальвалальо. Мельхиседек и тот сплоховал бы.

Платаристотель. Женщина — проводница зла и наставница преступлений.

Сальвалальо. Лучше не скажешь.

Платаристотель. Сердце женщины питается обманом.

Сальвалальо. Жалок тот, кто этого не постиг!

Платаристотель. Мудр тот юноша, который всегда делает вид, будто хочет жениться, и никогда не женится.

Сальвалальо. Буркье́лло и половины того не знает.

Платаристотель. Лучше жить на улице, чем в доме с болтливой женой; и целомудрена лишь та, которую никто ни о чем не просит.

Сальвалальо. Что верно, то верно.

Платаристотель. Приятней раскаиваться, что женился на дуриушке, чем подвергаться опасности от красоты.

Сальвалальо. С каждым днем набираюсь все больше и больше мудрости.

Платаристотель. Подобно черви, подтачивающему дерево, строптивая жена изводит своего мужа.

Сальвалальо. Так сказал Эзоп.

Платаристотель. Целомудрие женщины — твердыня красоты.

Сальвалальо. Да? Ой ли?

Платаристотель. Подобно тому как зеркало, хотя бы и в драгоценной оправе, ничего не стоит, если оно не отражает истинного образа вещей, так и жена, как бы она

ни была великолепна, никому не нужна, если ие отражает повадок мужа.

Сальвадальо. Убийственное сравнение.

Платаристотель. Тот, кто терпит вероломство жены, научается сносить оскорблении врагов.

Сальвадальо. Неплохой рецепт для трусов.

Платаристотель. Главная женская добродетель — воздержание.

Сальвадальо. Рад это слышать.

Платаристотель. Те мужья, которые то и дело не предаются венерическим утехам со своими женами, дают им возможность получать их от других.

Сальвадальо. Этого-то я и ждал.

Платаристотель. Поистине непростительная ошибка прерывать поток моих изречений, бьющих ключом из недр моего интеллекта.

Сальвадальо. Не хотите ли вы, высокочтимый хозяин, чтобы я занялся вашими делами? Ведь, имея жену, которой вы пользуетесь только как грелкой и которую вы кладете рядом с собой, едва часы пробили девять или десять, вы можете угодить головой в прическу весьма неблаговонную?

Платаристотель. Благодарю тебя, и в награду за твою бескорыстную преданность я, со свойственным мне благоразумием, подавляю в себе смущение, которым охвачена была моя душа.

Сальвадальо. Так пусть же ваша премудрость ие слишком огорчается тем, что могло бы с вами случиться, и не слишком увлекается учеными рассуждениями, чтобы дьявол не завлек вас в какую-нибудь потасовку.

Платаристотель. Ты красноречив, но я не собираюсь ломать себе над этим голову, ибо я алчу только той славы, которую я приобретаю философствуя.

Сальвадальо. Хорошо сказано.

Платаристотель. Иди за мной, так как моя жена, стоящая на пороге, собирается, как видно, выйти из дома.

Сальвадальо. Следую за вами по пятам.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Монна Папа, донна Друда.

Монна Папа. Вот и исповедуйся после этого, вот и пересказывай им все свои грехи. Не будь и это грехом, и не настигло бы меня возмездие; я, говорю тебе, три короба наговорила бы против этого проклятого исповедника, взвалившего на меня такое покаянне, которого, прости господи, ни одна осинца не вынесла бы. Ну а теперь-то за что? Что я, как мать, узнав о его мерзком образе жизни, чуть ли не дважды измордовала этого человека, способного разве только на то, чтобы выколупливать улиток, щелушить фасоль да обваливать рыбу в муке.

Донна Друда. Но кто же это? Идет и сама себя оговаривает? Никак, Папа?

Монна Папа. Братцы-то монахи каковы! А?

Донна Друда. Так и есть, она самая.

Монна Папа. Да здравствует папа, запретивший им исповедовать женщин в Венеции!

Донна Друда. Ну и старуха!

Монна Папа. Мне ли ие смешно, когда он выпускает ее одетой с иголочки? Ведь женщины, с которой плохо обходятся в постели, столько же пользы от множества нарядов, сколько от обеда в тысячу блюд, но без хлеба.

Донна Друда. Нежная моя подружка, это ты?

Монна Папа. В добрый час, да и всегда в добрый, когда бы я тебя ни встречала.

Донна Друда. О чем это ты размечталась?

Монна Папа. Шла я по улице, перебирая четки — ведь этим всегда что-нибудь да выгадаешь, — и вдруг осерчала при мысли о покаянии, которое на меня возложил какой-то лизоблюд за то, что я не терпела, видя, как моя Тесса вся продрогла и не могла согреться в постели, потому что ее муж никогда к ией ие прикасается.

Донна Друда. Если каждый кусок, сжираемый этими богоотступниками, станет им поперек горла, большего нам и не надо.

Монна Папа. Пусть с меня вживо кожу сдерут, если я это выполню! Пусть они и не думают!

Донна Друда. «Душа моя, карман мой», — говорю я, когда мея доимают всякими «отче наш».

Монна Папа. На них — которые по большей части лишь клетки для откорма всяких подлостей и сосуды для разиоса супов, — на них-то и следовало бы возлагать покаянныя падомничества не только к святому Иакову Галисийскому, но и до самого Иерусалима.

Донна Друда. Дружочки рассчитывают на более веселое времяпрепровождение.

Монна Папа. Однако вериемся к разговору о том, что привычки хорошего обращения с женами утрачены, совсем утрачены и рассеялись как дым, и ты это знаешь.

Донна Друда. Хотя я от старости и сдала, но все же ие считаю себя впавшей в детство. Я припоминаю, что у мужчин, решившихся на брак, башка как-никак еще варила настолько, что, живя со своими молодками, они были для них не только мужьями и опекунами, ио и отцами и наставниками. Нынче же ие слыхать, чтобы мужчины жениились, если только это не какие-нибудь пустозвоны, развратники или проходимцы, а из пожилых — какие-нибудь тугодумы и турицы, изызывающие над заумией писаниной, которую изучает твой сын.

Монна Папа. Ты хорошо сказала.

Донна Друда. Разве ты не вспомниашь, Папа, о царственных повадках своего супруга, когда подумаешь о нынешних, которые, едва женившись, заставляют своих жен соблюдать праздничных постов больше, чем он давал тебе справлять праздников, когда на тебе женился?

Монна Папа. Я готова проклясть его даже после того, как он превратится в кладбищенский прах.

Донна Друда. Не горячись.

Монна Папа. Все эти его дерзкие штучки, его старозаветные ужимки меня и пленили. Или вот с дочерью возьми: я ведь думала оставить ее при себе такой, какой она родилась, или же засунуть в монастырь, где хоть и есть попы, но, как бы опасны они ни были, все же почитают монашечек за богинь.

Донна Друда. По-моему, Люцифер должен был бы поглотить всех убийц, занимающихся брачными делами. Сводники, проповедуя, как заправские монахи, суют не-бесную обитель любому увальню, который этого доби-

вается, изо всех сил клянутся, что он обладает добродетелями, которыми он никогда не обладал, заставляют вас поверить, что он не игрок, что он по жабакам не шатается, не сквернословит, что он не мот, что он сердоболен, набожен, тише воды, иже травы, из дерьма делает золото, здоров как бык, способен и мертвого развеселить, всяко-го величает на «вы» и многое другое.

Монна Папа. Брехуны проклятые!

Донна Друда. Насладятся вволю неделю, а то и две, а там, глядишь, молодая убеждается, что супруг ее проигрывает все вплоть до штаивов, слышит, как он ко всему придирается, даже к календарю. пьяница каких мало, спускает все на свете, ни во что не верит, настоящий сорви-голова, о francazivshiyся в точном смысле этого слова.

Монна Папа. Да уж таковы мужчины!

Донна Друда. В противовес тебе мне следовало бы изобличить и женщин, рассказав пресловутую историю о том, как они, едва заметив новую моду на соседках, перестают разговаривать с мужчинами и не проронят ни слова, покамест те наконец не поймут их молчания. Но справедливость требует, чтобы я повсюду разъяснила о том, как эти разъяренные волки по любому поводу разыгрывают ревнивцев и доводят своих жен до того, что они проклинают свое существование, догадавшись, что им придется обзавестись котами для содержания мужиных кабаков, игорных притонов и... я чуть не сказала, чего еще.

Монна Папа. Заслуженных ими рогов.

Донна Друда. А мало ли таких, которые, стоит только же не открыть рот, тотчас же затыкают его пощечиной? Проходят месяцы, а они не только что с ними не спят, но даже и не разговаривают.

Монна Папа. Канальи!

Донна Друда. Или таких, которые, изображая отчаяние, делают вид, что собираются наиться в солдаты, чтобы влюбленные в них дурочки их удерживали, отдавая им все, что у них есть для заклада у ростовщиков.

Монна Папа. Сволочи!

Донна Друда. Я вся дрожу, как вспоминаю об этих бедняжках, которые с замиранием сердца слышат, как муж, проигравшийся дотла, пинком выламывает входную

дверь, взбегает по лестнице в комнату с воспаленными глазами, воротит нос от стола, который целыми часами его дожидался, и начинает кричать, что этот салат годен только для цыплят, что хлеб пресий, вино кислое, скатерть грязная, что...

Монна Папа. Сгнить бы вам от свища, ответила бы им Папа.

Донна Друда. Если ты когда-нибудь видела шелудивого пса, рычащего над костью, которую он глотает, или влюбленного кота, то можешь представить двух таких паскудников, о которых я говорю и которых знаю.

Монна Папа. Покрыться бы им моровой язвой!

Донна Друда. Насилу прожевав несколько кусочков, они отправляются на кухню, всюду рыщут, выпучив глаза, словно не они проигрались, а жена их обчистила, и кричат что есть мочи: «Миска-то не на месте, корыто-то вверх дном, кошелки-то на полу, подсвечники-то не начищены! Убери-ка отсюда эту сковородку! Повесь туда этот таганок! Что это еще за вертелы? Сколько дров в очаге? Почему горят тысячи свечей? Разве ты за это платила, паршивка? О, если бы я еще только собирался на тебе жениться, было бы полбеды. Не знаю, что меня удерживает перерезать тебе горло, потаскуха ты кабацкая! Таких, как ты, даже с подмостков гонят!»

Монна Папа. Взял бы их палач в оборот!

Донна Друда. А что ты скажешь о тех, которые не только говорят всякие сальности женам, но и норовят их с ией проделать.

Монна Папа. На суд божий да в пекло!

Донна Друда. Места себе не нахожу, как вспомню об иных, что хвастаются деньгами, которые они вымогают у поклонников своих жен.

Монна Папа. Я словно с того света свалилась.

Донна Друда. Одна с пустым желудком, куда ей не положить нечего. Другая — кожа да кости и вся продрогла. На эту достаточно дунуть, чтобы свалить с ног. Врачей к ним не зовут, не то еще разгласят, что довели их до этого не запоры и не чахотка, а яды и отравы, которыми их до отказу пичкают все вти-враги господа нашего Иисуса Христа.

Мониа Папа. Чувствую, как у меня слезы наворачиваются.

Донна Друда. Стадо тех, кто их отвергает одну за другой, не меньше бычьего, а то и овчье, и не помогут ни подеста, ни правители, ибо монета, сунутая из-под полы, всегда сделает из кривды правду, а из правды кривду. Коли ие так, не зови меня Друдой.

Мониа Папа. Помилуй бог!

Донна Друда. О, сколько яичниц наожарит себе Вельзевул из тех ханжей, которые, ссылаясь на своюдержанность, брезгуют всем, но только не ягнятами, и извиняются перед своими супружницами, что они, мол, прикасаются к женщинам только на масленицу, приговариваю, что надо подумать и о душе.

Мониа Папа. Разрази их, господи!

Донна Друда. О, вот этими когтями впилась бы я в глаза тому, кто не постесняется приударить за служанкой на глазах у жены.

Мониа Папа. Негодяи!

Донна Друда. Мало того: даже если они лягут с женой, то и нет-нет да и прикрикнут на нее: «А ну-ка подвинься, не трогай меня, у меня совсем другое на уме, не приставай! Кому я говорю? Не возбуждай, не смей!»

Мониа Папа. Скоты!

Донна Друда. Было время, когда, услыхав о малейшем иедомогании жены, о том, что у нее головка закружилась от слабости, мужья, будь они в отъезде или в походе, сразу же срывались с места и летели домой рысью или вскачь. а добравшись до дому, где лестница казалась им длиннее тысячи верст, не переводя дыхания, с распростертыми объятиями бросались в спальню и, обнимая жену, медовыми лобзаниями возвращали ей вкус к жизни, а заодно и здоровье.

Мониа Папа. Да благо им будет.

Донна Друда. А теперь пусть себе болеют! Ибо ничем так ие порадовать мужа, как сказать ему: «Ей уже не дотянуть, готовь свечи...» А пока она еще медлит отправиться на тот свет, мужья уже приглядели себе другую, а там... помирай кто хочет.

Мониа Папа. Быть им летописцами при папах!

Донна Друда. А если эти мужья и соберутся иавестить своих больных жен, то, ие перешагнув еще порога, оии вместо утешения кричат им: «Сейчас же перекрасся в блондинку, не жалей белил, мажь лицо, ешь побольше фруктов, еще туже зияни пояс». От этого иепоздоровилось бы и царице Анкрейе, а не то что женшине в таком состоянии.

Монна Папа. Если бы я могла иаслать на них болезни похоже свинки, я иавеки стерла бы их семя с лица земли.

Донна Друда. Нельзя отрицать, что они иной раз заводят и другие песни, утешая их разными словечками. Утешать-то они утешают, но знаешь для чего?

Монна Папа. Понятия ие имею.

Донна Друда. Чтоб заставить ее написать завещание.

Монна Папа. Кайсары родосские!

Донна Друда. Эти пройдохи, заключив ручку безнадежно больной между ладонями, с вероломной улыбкой вымаливают у нее дарственную: «И не потому, что я сомневаюсь в исходе вашей болезни, но лишь как бы в знак той любви, которую вы ко мне питаете, и вашего уважения ко мне, который вас будет обожать, едва только поправитесь». Но, получив все, они уже больше никогда к ней не подходят ии к живой, ии к мертввой.

Монна Папа. Поповское фарисейство!

Донна Друда. А как ты думаешь, оии заботятся о своих женах, когда те беремениы?

Монна Папа. Как искариоты, как пилаты.

Донна Друда. В утешение они не угостят их ни вишнейкой, ии клубничкой, ии сливой, ии фигой, ии огурчиком, ии рыбникой, ии зубчиком чеснока.

Монна Папа. Изверги!

Донна Друда. А когда эти разбойники объясняют гибель бедняжки случайнм падением с лестницы, а не тем, что она пала под градом палочных побоев?

Монна Папа. Нероны!

Донна Друда. Мне попадался добрый десяток и таких мучениц, которых мужья чуть ли не распяли лишь за то, что они родили девочек.

Монна Папа. Каины!

Донна Друда. Другой скажет: «Помилуйте, Урбинский-то всех поставил на ноги, когда у него родилась дочка!» Так-то оно так, сударь, ио ие всякий цветок приносит плод; к тому же где вы найдете другого такого же синьора?

Монна Папа. Так пусть же он здравствует!

Донна Друда. А сколько таких, которые, ради мужа заложив жнду все до последней рубашки, никогда уже больше не услышат ни обедни, ии утрени.

Монна Папа. Мавры!

Донна Друда. А ведь любой из них приходится самой выпутываться или на себя же пеять, когда благоверный таскает ее за волосы, треплет по земле, как суку, топчет, наступив на живот, и пинками выдавливает из нее кишки, и, чем больше сбегается соседей, тем больше они наслаждается зверством, предвкушая, как он ее прикончит.

Монна Папа. Турки!

Донна Друда. Какие же гигантские склады долготерпения должны быть у дурочки, влюбленной в мужа, которого ей следовало бы растерзать собственными зубами! Подумать только, встречаются такие отпетые иегодяи, которые не только не скрывают от жены тех девок, которых содержат, но даже приводят их в дом?

Монна Папа. Он — мне, я — ему.

Донна Друда. Жалко мне тех, кого берут в жены влюбленные, ведь жена уже на третий день иадоедает мужу, как иадоедает сытому человеку все то, что ему предлагают после обеда.

Монна Папа. И ие говори, люди ожесточились, нет в них ии добрых чувств, ни породичности.

Донна Друда. Знаю и таких, которые принуждают жен к воровству, передавая им всякие цепочки и прочее, что сами похитили; поэтому-то, чтобы ладить с мужьями, такие жены готовы поступать в ущерб другим.

Монна Папа. Этого еще ие хватало.

Донна Друда. Я знаю, что я злюязычиая болтунья, но должна сказать тебе, что многие мужья, дабы выслушаться у больших господ, водят своих жен к ним в спальню да еще средь бела дня.

Монна Папа. Да здравствует Феррара!

Донна Друда. Какой же адский круг чистилища тебе еще нужен, коли не те горницы, куда заточает женщины постиая ревиость мужей, навсегда лишая их даже свежего воздуха.

Монна Папа. Фараоны!

Донна Друда. Хотела бы я, чтоб ты слышала при читающих мужей, которые, испугавшись долгов и появления судебного исполнителя, добиваются от своих жен продажи их жалкого приданого.

Монна Папа. Таких мамелюков поповское отродье, наверное, даже не осудило бы.

Донна Друда. Всего из мешка не вытряхиешь; я никогда не коичила бы, если б вздумала поведать тебе еще и о тех, кто под видом торговли продаёт все женино имущество до последней нитки. Умолчу и о покинутых женах с кучей детишек на руках и ни словом не обмолвлюсь о тех мужьях, у которых в каждом городе по жене. Я и за сто лет не выговорилась бы, заведи я с тобой речь о том, как любая подлая горняшка завидует женщине, вышедшей замуж за человека более благородной крови, или о жалком существовании знатной женщины, породнившейся с простонародьем. В заключение можно было бы привести наследниц больших доходов, которые, всем обеспечив мужей, не имевших ни гроша, заслуживают того, чтобы те перед ними раболепствовали.

Монна Папа. Мы, женщины, никогда не можем прервать своей болтовни, как и бесконечных своих прничтаний.

Донна Друда. Пусть же мужчины сократят свои подности, если хотят, чтобы эта хроника не слишком затянулась.

Монна Папа. Теперь мне все ясно.

Донна Друда. Хочешь, добавлю?

Монна Папа. Нет.

Донна Друда. Тогда пошли по домам.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меа, Боккаччо.

Меа. Вам пора по своим делам, а мне — за свою прялку, и, когда вам заблагорассудится оказать мне хоть чуточку доверия и на минутку заглянуть в хижину, где я живу, я сумею за себя постоять не хуже всякой Сивиллы.

Боккаччо. Клянусь собствениким..., что приду. Но чтобы попасть к тебе, надо идти по этой улице?

Меа. По этой самой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Меа, Туллия.

Меа. Интересно, кто это сюда приближается такими мелкими шажками и в такой плотной маске?

Туллия. Догадайся!

Меа. Сам нечистый тебя не признал бы.

Туллия. Ха-ха-ха!

Меа. Но откуда ты, куда направляешься и как живешь?

Туллия. Оттуда, где любила, туда, где отдохну и живлю — добро наживаю.

Меа. Если смотреть на мир, как на злачное место, то он создан для таких, как ты.

Туллия. А ты откуда идешь, куда направляешься и как живешь?

Меа. Живу отлично, и направляюсь домой и иду с постоянного двора Бетты, где провела немало времени, беседуя с одиим перуджиницем, с которым я вместе росла.

Туллия. Он часто бывает в нашем городе?

Меа. Охота нажиться на продаже драгоценностей притащила его сюда за волосы вместе с сумой, набитой флоринами, от которых так и пышет адским жаром.

Туллия. В добрый час.

Меа. Все новенькие, прямо с монетного двора.

Туллия. Желаю ему здравствовать и наживаться.

Меа. Целых пятьсот, а то и больше.

Туллия. А умеет ли он по крайней мере их тратить?

Меа. Его разоряют женщины, ведь перуджиницы ими от рождения обвешаны.

Туллия. Как его зовут?

Меа. Боккаччо.

Туллия. Какая у него родня?

Меа. Мать по имени Ченча, жена, которую зовут Саита и которая подарила ему бравого, смышленого каррапуза, шестилетний мальчиконка Ренико и бабушка. А также у него есть владения в Тубьянно и в Ла Спина и еще где-то. А так как отец его, которого звали Ньянни де ла Купа, часто сюда наезжал, проводя здесь месяцы и годы, он этот город полюбил, а также, прости господи, потому, что отец оставил после себя на сиюих некую, в то время раскрасавицу, по имени Берта, которая, будучи живым воплощением нищеты, сделалась женщиной сердобольной и преданий любовным усладам, а потом так разбогатела, что ничего уже слышать не хотела, и, когда мужчины сотнями предлагали ей свое покровительство, напоминая ей, кем она была раньше, она им отвечала: «Прошли те времена, когда Берта сидела за прялкой!»

Туллия. Не из этого ли и родилась поговорка?

Меа. Вполне может быть.

Туллия. Благодарю тебя за рассказ.

Меа. Подумай только: этот самый Боккаччо, о котором я тебе говорила, только что показывал мне кусок карлико папской чеканки, разрубленного отцом, который одну половину отдал на хранение своей подруге, а другую оставил сыну.

Туллия. Зачем?

Меа. Для того чтобы при помощи этого знака удостоверить рождение на случай его или ее смерти.

Туллия. Всем бы мужчинам быть такими.

Меа. Счастливого тебе пути, а я сверну вот тут за угол и пойду своей дорогой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Туллия, одна.

— Эх, если б мне удалось выцарапать его денежки, то о большем блаженстве я бы никогда и не помышляла! Подумать только, целых пятьсот флоринов! Каково? Все новенькие, прямо с монетного двора! От них так и пышет! А? Плохо изучила бы я Нанну, коли не сумела бы ей подражать. А там уж смейся кто хочет, над хитроумной головкой, запоминающей слово в слово все, что она ие услышит. А у меня память такая, что равной ей никогда ни у кого еще ие бывало на свете. Надо запоминать маму Ченчу, жену Санту, сынишку Ренцо, бабушку, папашу Ньяни де ла Купа и его угодья в Тубьянко и в Ла Спина, а там, быть может, я и добьюсь победного конца. На всех, с кем я сговаривалась до этого и кого оставляю с носом, мне наплевать. Пускай себе кудахчат сколько влезет! Поспешим же.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полидоро и Радикко.

Полидоро. Ты-то по крайней мере ее разглядел?

Радикко. Я был уверен, что она спрыгнет с балкона прямо вам на голову.

Полидоро. Пожелай ты в этом убедиться, ты мог бы увидеть, как безумствуют другие женщины ради тех прелестей, которыми по доброте своей одарили меня небеса.

Радикко. По красоте вы ие уступите и серу Аньоло Трафорелло.

Полидоро. А сколько женщин, глядя на меня, обмирают в церквях, а сколько на праздниках?

Радикко. Я глубоко зачерпнул ведром своего разумения, и в нем отразились судороги и вздохания этой особы, в то время как вы с величайшим упорством не желали удостоить ее даже такой примаики, как два мимолетных взгляда, которыми вы могли вероломно похитить у нее самую сердцевину ее печенок и ее легких.

Полидоро. Мое появление в таицах на торжественных свадьбах вызывает прилив страсти у самых красивых женщин, да и не только самых красивых, но и других. Ведь моя очаровательнейшая и изящнейшая фигура, одетая моими пажами в прилегающие к телу одежды, движется во время прыжков с такой воздушной легкостью, что из сердец прелестниц вырываются те ахи и охи, которые убийственны, но не убивают.

Радикко. Как сон и голод извлекают зевоту из глотки того, кто хочет есть или спать, так и ваши галантные кабриоли и антраша тянут за кишки не то что грешников в чистилище, но и этих бархатных фей и парчовых имф.

Полидоро. У тебя есть вкус.

Радикко. Пусть же у вас обучатся искусству любви те, кто мнит себя купидоном и ганимедом и постоянно красуется под покровом своих богато расшитых, но вшивых нарядов. Эти медоточивые придворные фертики, похожие на платяные щетки, сразу торжествуют победу, стонут им только произнести слова: «клянусь честью», «ей-богу, так», «целую ваши ручки».

Полидоро. Жизнью обязан я тебе за то, что ты не уподобляешь меня таким, как эти...

Радикко. Сопляки.

Полидоро. Однако единственный феникс моей души — это Тесса. Вот почему философические бредни ее супруга наносят оскорблений и природе и всему миру, супруга, недостойного и неспособного направить все силы любого интеллекта на созерцания столь божественного и столь дивного лика.

Радикко. Если бы это было не так, вы не могли бы видеть, как она заигрывает с прохожими, стоя у окна. Пленившись вашей наружностью, она своими улыбками

и приветствиями поддерживает в вас бодрость духа, не дает угаснуть надежде, которая вас питает.

Полидора. Гляди, опять появился философ и помешал нашей приятной беседе.

Радиккьо. Что ж, продолжим ее дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Платаристотель и Сальвалальо.

Платаристотель. Итак, ты хвалишь меня как философа за то, что я, в подражание Диогену, не обитаю в бочке?

Сальвалальо. Сами рассудите.

Платаристотель. А разве тебе не поиравился тот, кто, отправляясь в изгнание, вместо денег, которые он мог бы с собой прихватить, ограничился словами «*οτπία τεσιμ ποτό*», чем явно намекал на добродетель, коей он был так богат? Так вот, этот достойный человек покинул родное гнездо с одним только посохом в руке.

Сальвалальо. Ах, к чему говорить о нем?

Платаристотель. А что скажешь о Сократе, терпевшем столько мук от своей жены?

Сальвалальо. Значит, он понимал, что достоин худшего, ибо сам не умел ублажать жену. Ведь всякому известно, что иначе на свете не может заставить жену, наслаждающуюся своими неограниченными постельными правами, поносить супруга.

Платаристотель. Значит, ты полагаешь, что философия должна неминуемо погибнуть от вожделения беспорядочной похоти?

Сальвалальо. Если она жена, то для меня ясно, что это так; если мужчина — то яснее ясиого; а если это не так, то все равно резвый купидончик разыграет доктора в его собственном кабинете, а влюбленные как кошки докторицы все равно будут тереть свое сало обо что попало. Подлая, ведь ты и меня не дурно водила за нос!

Платаристотель. Меня охватывает божественное исступление.

Сальвалальо. Господи Иисусе!

Платаристотель. Движениея рук — истолкователи наших чувств.

Сальвадальо. Так оно и есть.

Платаристотель. Душа иаша есть воображение, фантазия и рассуждение, тело же — целокупность, сила и привычка.

Сальвадальо. В колодки бы его да на цепь!

Платаристотель. Разум как бы подобен потоку, проистекающему из божественного источника, и, чем истечение его обильней, тем он кажется полноводней и чище тому, кто находится к нему ближе.

Сальвадальо. Ишь ты, провозвестник весны!

Платаристотель. Зависть и лицемерие — палачи своих последователей.

Сальвадальо. О божественный ум!

Платаристотель. Скупость — родина пороков и место изгнания для добродетелей.

Сальвадальо. Открыл истину!

Платаристотель. Бог имеет двух исполнителей — натуру и фортуну. Одна дарует нам душевную добродетель, телесную красоту и блага интеллекта, другая — богатства, почести и славу во всех иачиниях. Но человеческая неблагодарность создателю причинна тому, что первых мы иной раз лишаемся, а вторые непускают корней.

Сальвадальо. Что-то ие очень понятно!

Платаристотель. Отеческая власть — самое что ни на есть святое тиранство, а сыновиное послушание — наилучший вид подчинения, какой только можно найти.

Сальвадальо. Одна дурь да кривляния.

Платаристотель. Иной человек добр не от запретов и законов, а от уважения к всевышнему да по собственной свободной воле.

Сальвадальо. Чепуха!

Платаристотель. Пороки князей развязывают языки.

Сальвадальо. Князья тоже испражняются.

Платаристотель. Кто признает жребий — отрицает бога.

Сальвадальо. Ты просто попугай.

Платаристотель. Нет зрелица более богоугоди-

го, как видеть человека сильного духом сражающимся с мирскими соблазнами.

Сальвадальо. Брат мой, увы!

Платаристотель. Искусство бессильно там, где господствует насилие.

Сальвадальо. Слова, достойные Соломона!

Платаристотель. Вот я и вернулся в состояние человеческой немощи, вдохновение исчезло.

Сальвадальо. Это не большая беда, ибо божественное начало, распалявшее ваше воображение, еще не улетучилось и я успел снять с него копию, которую храню в своей памяти.

Платаристотель. Ты — обладатель неисчерпаемых сокровищ!

Сальвадальо. Да, если б только можно было их инстратить.

Платаристотель. Однако я чувствую, что божественная наука любимых моих авторов призывает меня сюда в мой кабинет.

Сальвадальо. Прощайте, о женщины, стоящие там, на пороге этого дома!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Туллия, Лиза.

Туллия. Ты знаешь дом, где Бетта сдает комнаты приезжим?

Лиза. Да, госпожа.

Туллия. Когда там будешь, спроси некоего Боккаччо, перуджинца.

Лиза. А потом?

Туллия. Увидав его и отвесив ему, как князю, самый низкий поклон, скажи: «Это вы прибыли из Перуджи торговать драгоценностями?» Услыхав утвердительный ответ, скажи ему так: «Синьор, моя великолепная повелительница, которая своей красотой оправдывает славу этого города, просит вас пожаловать к ней, дабы вы соблаговолили выслушать от нее несколько слов». Ты меня поняла?

Лиза. Поняла.

Туллия. Сумеешь это ему сказать?

Лиза. Еще как!

Туллия. Так живо возвращайся с ответом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лиза, одна.

— Лисичка-то моя что-то затевает. Видно, кому-то уже расставила западию; недаром все свое добро вытащила из шкафов, разукрасила комнату, застелила сундуки коврами, приторовила ужин. Да, заваривается какая-то каша. Много я видела ловкачек на своем веку и многое слышала об их проделках, но ни одна никогда не могла бы повторить малейшую из ее хитростей. Чего больше? Прочитав про Пиппу и про Айтонию, она решила, что все их затеи — милые шуточки для обмана простаков. В книге «Странствующая блудница» сказали, что даже после семилетнего ее изучения едва ли хоть один из тысячи ее изучающих сумеет уразуметь причины и следствия, но что касается практического блудодействия, то он и за неделю смекнет что к чему. А если кто не верит, пусть спросится у Туллии. Память у нее такая, что прочтите ей большой кусок из Библии, и я не я, если она тут же его не повторит. Однако прежде чем взяться за ее дела, я малость займусь своими. Те, что там стоят, не будут, надеюсь, возражать, если я отойду в сторону.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Непителла, мадоина Тесса.

Непителла. Ои вернулся домой, чтобы снова засесть за зубрежку, а потом куда-то собрался вместе с Сальвальо, который водит его за нос. Оба вышли через садовую калитку.

Мадоина Тесса. Беда.

Непителла. Вы тысячу раз правы, правы настолько, что даже те знаю, что и сказать вам. Пожалуй, только одно: поступайте с ним так, как поступали до сих пор, но

делайте это чаще, умоляю вас, ведь старость на часу, а когда старость наступит, то уже поздно! Кому мы тогда нужны?

Мадоина Тесса. Он женился на мне по просьбе других, а я вышла за него против своей воли. Но лучше я умру, чем признаюсь в том, что я делаю с Полидоро.

Непителла. Приходить ему сегодня?

Мадоина Тесса. Как хочешь.

Непителла. Быть ему вечером у вас?

Мадоина Тесса. Решай сама.

Непителла. Войдите в дом, а я, повидав Радикко, распоряжусь, чтобы друг ваш был здесь, как только пробьет восемь; увидев, что дверь не заперта, он, как обычно, пройдет к вам.

Мадоина Тесса. Покидаю и целую тебя.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Непителла, одна.

— Если бы все жены, с кем мужья упрямые и грубы, как с моей госпожой, доверились мне, я дала бы им советы настолько утешительные, что они не пожалели бы; но одна боится родителей, другая — друзей, третья — потерять честь, а уж тут-то чего жалеть? Если бы Карнесекки, от которого несет мускусом и который ступает только на носки своих башмаков и трогает себя не иначе как в перчатке, был женщиной и имел мужа-книжника, то он при виде того, до чего похоть может довести юношество, сказал бы: «*Omnia vincit amor*».

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Радикко. Непителла.

Радикко. О нимфа из нимф, Полидоро посыпает меня, чтобы я узнал, могу ли я поговорить со служанкой твоей госпожи.

Непителла. Со мной, хочешь ты сказать?

Радиккьо. Конечно же!

Непителла. Ну как там дела?

Радиккьо. Да дела такие, что может получиться знатный салатец, приправленный маслом двух сортов, если ты, Непителла — имя, как ты знаешь, обозначающее просто «мяту», — пожелаешь смешаться со мной, с Радиккьо, что на нашем благословенном языке означает «цикорий».

Непителла. Ишь, черт, чего выдумает!

Радиккьо. А если бы и сотворили салатец, то чего бояться?

Непителла. Рта, который нас сожрал бы.

Радиккьо. Ха-ха-ха!

Непителла. Никак, потянуло чесноком.

Радиккьо. А вот и «чесночный спаситель», сам Сальвалальо, ведь имя это и значит «спасай чеснок». Кстати, от него-то и потянуло сейчас чесночком.

Непителла. Он самый. Однако не забудь самое главное: моя госпожа ждет твоего хозяина, как только у него зазвонят эти самые..., так что непременно передай ему все, что надо, а я вернусь через черный ход, встречу его там и проведу к хозяйке.

Радиккьо. Ну давай один только разок, не больше.

Непителла. Ты сдурел.

Радиккьо. Неужели же ты откажешь мне в одном-единственном поцелуйчике, который я тебе тут же верну.

Непителла. Нахал, разве не видишь этого чесночного типа?

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сальвалальо, один.

— Кому охота всласть посмеяться, пусть сходит в аптеку: там мой мессер философ докавывает и по-итальянски и по-латыни, что добро и красота — один черт; но тут — ие в обиду ему будет сказано — он врет как сивый мерин, и тому свидетель поросенок, такой страшный на вид и такой вкусный, когда его хорошенъко прожарят на углях. Да вот и трюфели, похожие на его какашки, а ты, братец, их отведай — по сравнению с ними все остальное несъедобная

дрянь. У одних лицо привлекательное, шкура же воло-
сатая и противная, а иная дурнушка сделана из такого те-
ста, что пальчики оближешь. Поэтому единственное, на
что может согласиться наш друг,—это позолоченные мар-
ципаиновые конфетки; они-то уж наверняка и хороши и
красивы, красивы и хороши. Но кого я вижу?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Гарбульо. Сальвадальо.

Гарбульо. Все-таки я тебя нашел.

Сальвадальо. Счастливый случай.

Гарбульо. При чем тут случай?

Сальвадальо. При том, что его норову всегда угодно,
чтобы снова встречались те, кто не путается в сомне-
ниях, которыми он сковывает душонки никчемных лентяев,
впадающих от малейшей его угрозы в смертельное отчая-
ние, как это и надлежит истым дуракам и спятившим с ума
бездельникам.

Гарбульо. Ты превосходно одет и отлично выгля-
дишь.

Сальвадальо. И это несмотря на ореховое дерево,
сидя под которым вместе с другими колдунами я вооб-
ражал, что буду передвигаться и под водой и верхом на
ветре. А потом, в самый разгар сборища, я оказался в пле-
нице с двумя сольдо для выкупа и на свободе с одним баш-
маком на дорогу.

Гарбульо. Значит, и ты побывал там?

Сальвадальо. Да, и я участвовал в той карусели,
которая была отлично оснащена пищалиами, огнедышащими
орудиями и горящей смолой и пугала весь земной шар сво-
ими факелами, тифлафами и грэхотом, но от которой ини-
чего не осталось, кроме серного смрада и вони от горелой
бумаги.

Гарбульо. Те, кто завидует столь прекрасному начи-
нанию, осуждают его из чистой злобы, а когда дело не вы-
гораст, начинают болтать уже вообще невесть что.

Сальвадальо. Если бы, подобно мне, ты облазал
все жручи горы Фавор, куда и Мафусанл не казал иоса,

даже по велению скрижалей завета, ты, без сомнения, одобрил бы того, кто проклинает день и час, когда начали эту безрассудную затею.

Гарбульо. А в Венгрию ты поедешь?

Сальвалальо. Боже упаси!

Гарбульо. Почему?

Сальвалальо. А потому, что больше я не помышляю о славе и устроился на службу к одному философу, состоящему у меня в шутах, почему я ничего другого и не собираюсь делать, как только удивляться тем глупостям, которые он изрекает. Так что на войну отправляйся ты один и сообщай мне по ходу дела о творимых тобою чудесах. Я же клятвенно обещаю тебе раззвонить о них на всех площадях, ибо ты, того и гляди, прославишься не хуже какого-нибудь Джованни Медичи.

Гарбульо. Дай мне полスクдо взаймы.

Сальвалальо. Вот тебе целый — и с богом, а я вернусь на диспут.

Гарбульо. А я сюда, на постоянный двор.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Лиза, Боккаччо.

Лиза. Тыфу, чуть не заблудилась, избегая встречи то с одним, то с другим прохожим, а теперь, сказав то, что я имела сказать нужному мне человеку, я исполню поручение Гуллин, нашей феи Морганы.

Боккаччо. Итак, завтра я свои дела заканчиваю.

Лиза. Человек, который перед дверью Бетты сам себе набивает цену, наверняка тот, кого я ищу.

Боккаччо. Надеюсь удвоить прибыль на одном только алмазе.

Лиза. Добрый господин, здесь живет купец из Перуджи?

Боккаччо. Он самый перед тобой, дочка.

Лиза. Дорогой сеньор, превосходительность моей тосложи, которая скорее походит на богиню, чем на женщину, умоляет вас соблаговолить выслушать от нее всего четыре словечка, ровным счетом четыре, не больше.

Боккаччо. Если бы я знал, где она живет, я сказал бы: «Иди, я приду», но, не зная адреса, я готов, милейшая ты моя мэрдашка, следовать за тобой, если только ты согласна.

Лиза. Не только согласна, но и очень прошу.

Боккаччо. В таком случае идем.

Лиза. Ах, что за обходительнейший человек!

Боккаччо. А позволено ли будет спросить, что за причина могла вызвать в твоей госпоже желание поговорить со мной, с человеком приезжим?

Лиза. Быть может, то обаяние, которым вы обладаете. Клянусь честью, большого я в жизни не видела. Однако идемте.

Боккаччо. Ты рада льстить мне.

Лиза. Пусть я сдохну, если она и в самом деле не жаждет с вами поговорить.

Боккаччо. Человеку своего благородства не скрыть, кто бы он ни был.

Лиза. Увидев ее, вы забудете всех женщин на свете.

Боккаччо. Ой ли?

Лиза. Сами увидите.

Боккаччо. Поди ж ты! И после этого как не странствовать по свету?.. Она умна?

Лиза. Из ее уст, когда она говорит, так и сыплются жемчужины.

Боккаччо. Женщина должна говорить красиво, рассудительность ей ни к чему.

Лиза. Стойте! Остановитесь и полюбуйтесь солнцем, луной, звездой, восходящими вот там над дверью.

Боккаччо. Что за очаровательное явление!

Лиза. Ваше суждение безупречно.

Боккаччо. Только бы мне оказаться тем мужчиной, которого она ищет.

Лиза. В этом не сомневайтесь.

Боккаччо. Имена иной раз толкуются превратно.

Лиза. Ваше — такое сладкое, что так и зовет к поцелуям, ведь если «бокка» — это ротик, то «боккаччо» — целый ртыще, правильно я tolkую? А вот и она! Бежит вам на встречу с распростертыми объятиями.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Туллия, Лиза, Боккаччо.

Туллия. Мессер! Бра...

Лиза. ...тед! Она не может договорить, задыхается от нежности к родной плоти.

Боккаччо. Где я?

Лиза. Она не может дух перевести!

Боккаччо. Грэзы наяву!

Туллия. Бо... бо... ка... ка... а... аччо, д... до... оротой!

Боккаччо. Придите немнога в себя, прелестнейшая из всех прелестниц.

Туллия. То, что у меня замирает сердце, что я обливаясь слезами, когда обнимаю и целую вас, никак не должно вас удивлять, ибо все это делает ваша сестра, которая, когда б она ни умерла, умрет счастливой, наконец-то взглянув на вас хоть разок. Ох-ох!

Боккаччо. Я потрясен!

Туллия. Наконец-то я его увидела!

Лиза. Довольно вам слезы лить!

Боккаччо. Слов не нахожу!

Лиза. Оба они — как бы одной чеканки.

Туллия. Любимейший брат!

Лиза. Совсем его улыбка.

Туллия. Будь мой муж здесь — а он должен вернуться завтра утром, — я б вам это доказала, предъявив половину папского жарлино.

Боккаччо. Этого достаточно, чтобы я вам поверил, ибо другая половина при мне.

Лиза. Ничего не скажешь — те же движения, те же повадки.

Боккаччо. О дрожайшая сестра!

Туллия. Как поживает мадонна Ченча?

Боккаччо. Держится, как может.

Туллия. А Санта, моя невестка?

Боккаччо. Слава богу!

Лиза. Боже! Вот это пройдоха!

Туллия. А Лоренцино еще учится?

Боккаччо. Ему еще рано.

Лиза. Я как новорожденная, ничего не могу понять.

Туллия. А наш отец, мессер Ньяньян, так-таки вас и покинул?

Боккаччо. Что поделаешь, надо смириться.

Лиза. Ох-ох-ох!

Туллия. А каков урожай у вас в Ла Спина и Туббяно?

Боккаччо. Пожаловаться не можем.

Лиза. Поглядев на эдакое, превратишься из христианки в язычницу.

Туллия. А правда ли, что папа занял крепость в Перудже?

Боккаччо. А как же?

Туллия. И Бальони оттуда ушли?

Боккаччо. Все бывает.

Лиза. Ах-ах-ах!

Туллия. Но почему вы надумали остановиться не у нас в доме, а у кого-то еще?

Боккаччо. Мое неведение тому виной.

Туллия. Пойдемте наверх. Когда я расскажу вам о своем происхождении, вы уже не захотите, чтобы я не приходилась вам тем, кем я прихожусь.

Боккаччо. Я и без того этим горжусь.

Лиза. А вы говорите!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Платаристотель. Сальвадальо.

Платаристотель. Они у меня превратились в статуи.

Сальвадальо. Скажите лучше, в меринов.

Платаристотель. Он утверждает, что первоисточник, откуда ведет свое начало первоинтеллект, не есть нечто, но некое сверхнечто, ибо первосущность и есть первое нечто, а первоинтеллект и есть первоидея.

Сальвадальо. Да, отче.

Платаристотель. Он находит его настолько недоступным для отвлеченной человеческой мысли, что едва может представить себе, каким словом можно его обозначить.

Сальвадальо. Дело за тобой, философ.

Платаристотель. Но чаще всего он обозначает его «ipse».

Сальвадальо. Отлично, монсеньер!

Платаристотель. Ты неспособен понять такую высокую премудрость.

Сальвадальо. Однако снимите берет — взволновали к «Ave Maria benedetta tu in mulieribus ventris tui, peccatoribus mortis nostris».

Платаристотель. Амен.

Сальвадальо. Я думал, вы неверующий.

Платаристотель. Причина?

Сальвадальо. Кто его знает? Говорят, что философы понимают это по-своему.

Платаристотель. В конце концов, богословие есть то, что преобладает в познавательной деятельности моего духа.

Сальвалальо. Если так, то извлеките что-нибудь из вашего рукава в рассуждение очередной нашей трапезы, и пусть ужин наш состоится из какого-нибудь соуса для любителей, ибо изо дня в день одно вареное и одно жареное — *nicio vales*.

Платаристотель. Хотя разум мой и не знает иной пищи, кроме рассуждения, но я все же не таков, чтобы отказать тебе в этой милости.

Сальвалальо. Ой! А вот и мадонна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мадонна Тесса, Платаристотель, Сальвалальо.

Мадонна Тесса. Хорошее обращение с женами!

Платаристотель. А что я тебе только что о них говорил?

Сальвалальо. То, что вы говорили и мие.

Мадонна Тесса. Я тоже состою из плоти и из костей!

Сальвалальо. То-то она ему и наставляет рога!

Мадонна Тесса. Ты меня астрологством не корми!

Сальвалальо. Она сама себя распалаляет, чтобы крепче за него вязаться.

Мадонна Тесса. Око за око! Что посеешь, то и пожнешь.

Сальвалальо. Хороша баба, вроде той, что ушла со словами: «Накормите хлебом монахов» — и которая,казалось, была права, обманывая мужа и заявляя при этом, что мадонна, которую празднуют пятнадцатого августа, приходится и на шестнадцатое число. Недаром она довела мужа до того, что он ее чуть не утопил.

Мадонна Тесса. Сальвалальо! Сальвалальо!

Сальвалальо. Если бы это только от меня зависело, не зиаю, хозяйка, сколовались бы вы или нет.

Платаристотель. Я посвятил и посвящаю свою любовь премудрости, ибо только в ней и заключается истинная красота.

Мадоина Тесса. Значит, напрасно поклонники влюбляются не в тебя.

Платаристотель. Поскольку ни мой сан, ни место, где мы находимся, не позволяют мне тебе ответить, я направлюсь домой. Но чья это тень там маячит?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза. одна.

— Едва я увидела, что они обнимаются и что она притворяется, будто лишилась дара слова от избытка родственных чувств, я сказала себе: «Вот ты мне и попалась, вот куда ты гнешь!» А она посадила его рядом с собой и, не прошло и мгновения, как уже прижималась лицом к его лицу и всем телом к его телу. Дала ему отведать апельсиновых конфеток и выпить глоток вина, хотя ему этого вовсе не хотелось, и столько ему наговорила о своих доходах и герцогском происхождении, которое она себе приписала, что слышно было, как сердце взыграло в его груди. Подумать только, предлагает шесть, а потом восемь сотен на случай, если они ему понадобятся. Клянется, что у нее есть портрет его отца, а он, который всего-навсего перуджинец, а не сиенец, убаюканный ее сладкими речами, дал снять с себя плащ и остался на ужин, а потом и на ночлег; а чтобы его товарищи не дожидались напрасно, она послала меня сказать им, что пусть-де ужинают без него. На самом же деле это был всего лишь предлог отправить меня иочевать к куме. Но что это за стражники там?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стражники, Лиза.

Главный стражник. Куда скрылся предатель?

Лиза. Откуда мне знать, я всего лишь посыльный.

Главный стражник. Говори, где он?

Лиза. Я служанка госпожи Туллии.

Главный стражник. Говори, куда она тебя послала?

Лиза. Сюда.

Главный стражник. Не надо было сюда соваться!

Лиза. Я человек подчиненный и делаю то, что приказывают хозяева.

Главный стражник. А ну, признавайся!

Лиза. Не убивайте.

Главный стражник. Куда он бежал?

Лиза. Он в доме у мадонны Туллии!

Главный стражник. Отворите! Или взломаем дверь!

Лиза. Не ломайте. Сейчас отворю.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Туллия, в окне, стражники,
Боккаччо. Лиза.

Туллия. В чем дело, капитан?

Главный стражник. Мы хотим его взять.

Туллия. Кого?

Главный стражник. Того, кого вы заманили.

Туллия. А что он сделал?

Главный стражник. Убил на улице человека.

Боккаччо. Клянусь вам, я не убивал! Я человек порядочный!

Лиза. Вот он, там наверху.

Главный стражник. Ах, это не ты? А ну, спускайся сюда.

Туллия. О я несчастная!

Лиза. Затворяйте окно. Все!

Главный стражник. Извелись за ночь, чтобы какнибудь его изловить. Иди своей дорогой, дочка. А ты там следуй за нами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полидоро, Радиккьо.

Полидоро. Беги на площадь и узнай, который час.

Радиккьо. До назначенного вам свидания еще далеко.

Полидоро. Тот, кто изобрел промедление, как видно, сильно наслаждался муками ожидающих.

Радиккьо. Тот, кто это выдумал, сам не спешил, так как спешил тот, кто первый поскакал на почтовых, полатая, что это удобней, чем ездить на иноходце. И при этом не замечал, что на почтовых кишках звенят, как гусли, а на иноходце даже и не шелохнутся, как сказано в одном известном сонете.

Полидоро. Время еще никогда так не медлило в пути, как медлит оно сейчас.

Радиккьо. Не занозило ли оно себе ступни?

Полидоро. Просто оно не спешит.

Радиккьо. Кабы людям, живущим в чужих домах, годы казались столь же длинными, какими вам кажутся часы, они не жаловались бы, что им приходится платить за квартиру.

Полидоро. Недостойное сравнение.

Радиккьо. Любовь к служанкам кажется вам столь же низкопробной.

Полидоро. Еще бы!

Радиккьо. Хочу вам сказать одну вещь, если вы только поклянетесь сказать мне два одолжения, а именно: простите мне мой проступок и держите его в тайне.

Полидоро. Клянусь тебе.

Радиккьо. Как раз в промежуток между «оставь меня в покое» и «я не хочу» я поцеловал ту...

Полидоро. Что ты говоришь?

Радиккьо. Ту, которая... Вы меня понимаете?

Полидоро. Не могу догадаться.

Радиккьо. Которая служит у...

Полидоро. Мой богини?

Радиккьо. Так точно, синьор.

Полидоро. Удивительно, что ты это только теперь обнародовал.

Радикъо. Какое же это обнародование, если вы поклялись, что никому не скажете?

Полидоро. Хорошо. Но какое это имеет отношение к моим делам?

Радикъо. Я же попросил у вас прощения.

Полидоро. А ты слышал, чтобы я когда-нибудь хвастался, что добился любви той, кого люблю, или нет?

Радикъо. Но где же найти человека, равного вам? Где он? Конечно, если мир хочет видеть еще одно совершенство, пускай оно нарочно его закажет.

Полидоро. Раз ты понимаешь, кто я такой, то я хотел бы прежде всего, чтобы ты научился держать язык за зубами.

Радикъо. У меня вскочил бы чирей.

Полидоро. Не сомневаюсь.

Радикъо. Я поцеловал ее во весь рот.

Полидоро. Замолчи, я тебе приказываю!

Радикъо. Вот и сейчас, когда я облизываю губы, я смакую все печеночки и кровяные колбаски, которыми она меня угощала.

Полидоро. А ну-ка, идем домой, ибо я слышу, что кто-то зовет.

Радикъо. Я тоже слышу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Боккаччо, один.

— По-моему, стыд оттого, что я перепачкался в дерме, значительно превышает тот вред, который я мог себе причинить, когда спрыгнул с этой стенки, замыкающей уличку. И все же я спрыгнул, но шанскр сгноил бы то бревнышко, на котором лежала доска, опрокинувшаяся, едва только я на нее ступил. Я и задаром не поселился бы в доме, в котором иужинк помещается снаружи. Однако вот она, дверь всех несчастий и всех невзгод. Постучу. Хотите — смейтесь, но я не отдал бы за нее и ломаного гроша. Тик, ток, так! Хорошо бы ее вызвать. Сестрица? Боюсь — тик, ток! — как бы не оглушить праведников в раю. Тик, тик, ток! Эй, мадонна, отворите, не слышите, что ли?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Туллия, в окне, Боккаччо.

Туллия. Кто там стучит?

Боккаччо. Это я.

Туллия. Не говорят: «Это я».

Боккаччо. Умоляю, отворите!

Туллия. Не говорят: «Умоляю, отворите».

Боккаччо. Вы что, смеетесь надо мной?

Туллия. Не говорят: «Смеетесь надо мной».

Боккаччо. Хорошенькое дело.

Туллия. Не говорят: «Хорошенькое дело».

Боккаччо. Мадонна Туллия!

Туллия. Не говорят: «Мадонна Туллия».

Боккаччо. Ваш брат.

Туллия. Не говорят: «Ваш брат».

Боккаччо. Боккаччо.

Туллия. Не говорят: «Боккаччо».

Боккаччо. Вот вам и сказка про белого быгчка.

Туллия. Добрый человек, сон переваривает напитки, и вода разбавляет вино. Виноград был добрый, вот ты на радостях и перегрузился.

Боккаччо. Эти шуточки мне не нравятся.

Туллия. Ты хлебнул лишнего, так иди же, приставай к кому-нибудь еще.

Боккаччо. Ты меня доведешь.

Туллия. Спокойной ночи.

Боккаччо. Она захлопнула окно прямо перед моим носом! Каково? Тук, так, ток! Буду стучать так долго, пока куда собаки меня не пожалеют.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Каччадьяволи, в окне, Боккаччо.

Каччадьяволи. Кто там стучит внизу?

Боккаччо. Я, брат Туллии.

Каччадьяволи. Что за бесовский шабаш разводишь ты здесь поздно ночью, мерзавец? Не понимаю, почему

я до сих пор еще не спустился и не забросил твою голову на полверсты от твоего туловища.

Боккаччо. Оказаться не только без оружия, но даже без зубочистки, в одной рубашке и неизвестно где! Что же, остается только пожать плечами и изменить своей перуджинской природе. Ясно одно: пальца ей в рот не клади, она умеет за себя постоять, не так ли? Однако мне поделом; что бы со мной ни приключилось, все поделом: попасться на болтовню какой-то горничной, поверить слезам той, которая выгоняет меня без копейки денег и нагишом! Но что я буду делать? Что скажу? Я не хочу прибегать к обетам нашему святому Арколануццо, про которого Макакучо сказал, что он самому господу богу ничего не одолжил бы под залог. Однако кто эти люди, которые приближаются при свете фонаря? А иу-ка я спрячусь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Воры и Боккаччо.

Первый вор. Эти железные прутья мне все кости переломали!

Второй вор. Давай передохнем.

Первый вор. Синими нагар со свечи, не то она погаснет.

Второй вор. Проклятие! Фитиль прилип к пальцам.

Первый вор. Потряси рукой, и все пройдет.

Второй вор. Ой-ой! Ну и свеча!

Первый вор. Вонища небывалая.

Второй вор. Да ты подними фонарь.

Первый вор. Так, что ли?

Второй вор. Кто идет?

Боккаччо. Человек, готовый идти в крестоносцы.

Первый вор. А что ты здесь делаешь в таком жалком виде?

Боккаччо. Спроси у судьбы. Одна негодная потаскуха, шлюха, воровка вероломно меня надула и, выдав себя за мою сестру, не только похитила у меня пятьсот золотых, но и заставила меня нырнуть в нужник, откуда я выбрался таким, каким ты меня видишь,— в одной рубашке, да и то перепачканной.

Первый вор. Наверное, это была Туллия.

Боккаччо. Ты угадал.

Первый вор. Эта беда обернулась для тебя удачей, ведь если бы с тобой не приключилось это падение, ты, самое меньшее, поплатился бы отрезанным ухом, настолько страшен Каччадьяволи, ее кот, сущий сатана, извергающий пламя вместо слюны.

Боккаччо. Ты хочешь сказать, что меня осенила та же благодать, что осенила и святого Зайца, который, сломав себе плечо, воздевал руки к небу в благодарность за то, что не свернул себе шею?

Первый вор. Он из необходимости делает добродетель.

Второй вор. Присоединяйся к нам третьим, к нам говорю я, мастерам того самого дела, которое требует ловкости, смекалки, силы, легкости и... веревки для неудачников, как говорил прелат *Porta Inferi*.

Боккаччо. Итак, из купца я должен превратиться в вора?

Первый вор. Профессия почти одна и та же.

Боккаччо. Значит, по-твоему, купцы — воры?

Первый вор. Еще бы, воровство есть в каждом деле, возьми хоть, к примеру, продавца и покупателя, игрока и торговца, читателя и писателя, того, кто служит, и того, кому служат... Кроме мельников и портиных одни только синьоры ни бельмеса не смыслят в воровстве, не воруют, а просто грабят.

Боккаччо. Забавно, хоть мне вовсе и не до смеха.

Первый вор. Проповедник учит, что все на свете — воры или воровки, и доказывает это на примерах жуликов, вырезающих кошельки, женщин, похищающих сердца, завистников, отнимающих чужую славу, и в конце добавляет, что, мол, земля крадет тела, небо — души блаженных, а бездна — грешников.

Боккаччо. А коли мы нарвемся на стражу, что с нами будет?

Первый вор. Ничего плохого, ибо законы карают лишь тех, кто раздевает живых, а не тех, кто грабит покойников.

Боккаччо. А как же душа?

Первый вор. Наши души получат не наказание, а

награду. Ведь, снимая роскошь с покойного патриарха, мы освобождаем его от тщеславия. Итак, берем кирки и ломы — и вперед.

Боккаччо. Я готов.

Первый вор. А вон и колодезь кстати.

Боккаччо. Зачем он вам?

Первый вор. Затем, что благовония, испускаемые твоей обляпаниной особой, вовсе не подходят для наших иносов, почему мы и спустим тебя в этот колодезь, а когда вымоешься, без помехи останешься в нашем обществе.

Боккаччо. А кто поручится, что вы меня там не оставите?

Первый вор. А то, что без тебя мы ничего сделать не сможем.

Боккаччо. Ладно, согласен.

Первый вор. Было бы ведро на месте, мы бы тебя в него посадили, но раз его нет, мы привяжем тебя к концу этой веревки.

Боккаччо. Чтобы ее не выпустить, привяжите другой ее конец к кольцу, заделанному в том камне, что торчит из земли.

Первый вор. Мы бы и сами это сообразили.

Боккаччо. Только бы черт не попутал вас оставить меня в колодце.

Первый вор. Как смоешь дермо, дергай за веревку в знак того, что хочешь вернуться. Ну, с богом, перекрестись.

Боккаччо. У! Какая глубина!

Первый вор. Легче, как бы он не сорвался.

Второй вор. До дна достал?

Первый вор. Достал, достал!

Второй вор. Сзади какой-то шум! Ходу, братец, пошевеливайся, это они!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Стражники, Боккаччо, в колодце.

Главный стражник. Он умеет не только прятаться, но и летать.

Второй стражник. Я совсем запарился.

Третий стражник. Не могу отдохнуться.

Четвертый стражник. Пояс распуши, не то
долну.

Пятый стражник. Помоги вытащить ведро.

Шестой стражник. Вот зараза! Ну и тяжесть!

Седьмой стражник. Что мне, что тебе — лишь бы
поменьше работы.

Боккаччо. Обождите еще чуть-чуть, и я сам вылезу.

Главный стражник. Это сам черт! Ай!

Боккаччо. Раскаленными угольями не торгую.

Главный стражник. Грешен!

Второй стражник. Господи, спаси и помилуй!

Боккаччо. Что я вижу? Что за наваждение? Боюсь,
что меня околдовали. О, разбойник, тот самый, что *hodice*
тесит, in paradiso. Возложи мне руки на главу, ведь я уже
посвятил себя ремеслу твоих заступников, будь ты моим
Товилем, помоги моей невиновности и даруй мне столько
хитроумия, чтобы я мог снова разыскать тех, кто по вели-
кой милости своей пожелал поставить меня на ноги. При-
ношу обет, что, если я их найду, я целых шесть недель
буду босиком ходить на гору Святой Люции и целых семь,
а то и больше, к мадонне ди Порта Сансана. А вы, явив-
шиеся, чтобы меня отсюда изгнать, будьте прокляты!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Платаристотель, Сальвалальо.

Платаристотель. Ты надел кольчуту?

Сальвалальо. Разумеется.

Платаристотель. И шлем не забыл?

Сальвалальо. Пусть вам ответит моя голова, за-
кованная в железо.

Платаристотель. А нарукавники натянул?

Сальвалальо. Да.

Платаристотель. А теперь иди и спрячься за дом
моей тещи и, не допытываясь, почему я тебя туда послал,
дождайся меня. Если же появится какой-нибудь голово-
рез, не допускай, чтобы он меня прирезал.

Сальвадальо. Однажды я распугал всю нечисть из Пьемонта, которая на меня напала, так я ли не разгоню этих сопляков?

Платаристотель. Хватит болтать, отправляйся.

Сальвадальо. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Платаристотель, одив.

— Я шел, рассуждая о том, какие именно из семи планет, участвующих, согласно книжной премудрости, в порождении вселенского семени, арогенны, то есть какие из них по преимуществу служат главными органами в этом деле; и действительно, семя это подобно семени человека, зависящему прежде всего от сердца, которое дарует ему жизненную силу вместе с природным теплом, составляющим его формальную сущность. Во-вторых, семя зависит от мозга, дарующего ему влагу, его материальную сущность, и, в-третьих, от печени, которая в иежном кипении доводит его до должного состояния, возрождая и умножая его при помощи постоянного притока особо очищенной крови; а также и от четвертого, и последнего,— от жезла Ааронова, который изливает его в женщину, его воспринимающую, при том, что мужчина, лежащий на ней и раскачивающийся, превращает ее в плодоносный сосуд будущего потомства. Столь высокие материи обдумывал я в своем интеллекте, как вдруг некий дух, принявший видимый облик, смутил мою душу, говоря: «Иди и послушай, что жена затевает против твоей чести». И вот я, ставящий свою честь превыше жизни, крадучись подхожу и, приложив ухо к замочной скважине комнатки, куда ведет винтовая лестница, слышу, как служанка ей говорит: «Полидоро придет наверняка». После того я и решил его подстеречь, и, завернувшись в простыню, шепча в темноте и передразнивая ее голос, отвести его в мой кабинет, и, заперев его там, самолично отправиться за старухой, породившей жену, пристыдить ее в присутствии ее матери, отречься от нее, как она того заслуживает. А так как ради моего *salvum me fac*,

я послал вперед Сальвадальо, я уж добьюсь, чтобы птичка попалась в сюлки. Однако спрячусь от тех, кто сюда приближается.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Боккаччо, воры.

Боккаччо. Храбрецы!

Первый вор. Никак, это наш рыцарь?

Боккаччо. Настал час расплаты или еще нет?

Первый вор. Жизнь важнее друга, своя рубашка ближе к телу! Бряцание оружия и прочей чепухи заставило нас бежать и бросить тебя в беде; однако же мы вернулись, чтобы тебя вызволить.

Боккаччо. Едва только вода, доходившая мне до колен, начала меня обмывать, как я почувствовал, что меня тащат вверх с неукротимой силой. Достигнув края колодца, я вцепился в исго, как лесной зверь. И тут целая толпа каких-то дьявольски журносых харь опрометью рассыпалась при виде моей морды, ибо даже у нечистой силы рыло и то пригожей, чем у человека без гроша в кармане.

Первый вор. Суда боится лишь тот, кто ничего нного не делает, кроме как твердит «отче наш»; ио подумай только, как же должен страшиться суда правитель всех висельников? Хоть каждому и понятно, что отнимать у червей и отдавать ближнему — скорее милосердие, чем воровство.

Боккаччо. Конечно, мы делаем благородное дело, ибо, поступая так, мы спасаем душу, тело и свое добре имя.

Первый вор. В церкви Святой мученицы Анфисы — не решусь утверждать, что она была девственницей, — которая, согласно завещанию этой святой, остается растянутой настежь день и ночь, у самого порога погребен некий именитейший монсеньер с карбункулом на пальце в окружении стольких других драгоценных камней, что любой преосвященный Джанини ему позавидовал бы.

Боккаччо. Мне бы хоть подержаться за этот карбункул!

Первый вор. Только подержаться?

Боккаччо. Сколько стоит карбункул?

Первый вор. Больше, чем ты потерял.

Боккаччо. Тогда я свои дела поправлю.

Первый вор. Не понимаю тебя.

Боккаччо. Я говорю, что выиграю больше, чем потерял.

Первый вор. Хотя нужный нам храм и стоит в конце этой улицы, давайте-ка еще малость покружим. Осторожность в нашем деле не помеха. Ну а вы, что появились там в такой неуроченный час, отправляйтесь-ка лучше ко всем чертам!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Полидоро, Радикко.

Полидоро. Скоро бой часов радостно возвестит вхождение мое в рай, ибо эти счастливые руки обнимут священную шею моего земного кумира. Однако меня пугает, как бы это сказать, нечто присущее сердцам влюбленных и что словно застряло между рукой и перчаткой.

Радикко. И все же куда было бы вернее, если бы вы помышляли о том, как бы прижать к себе одну из моих милашек. Ведь эдак на ходу отведать одну из них равно что с голодухи вцепиться зубами в горячий пирог, испеченный на чудесном сале.

Полидоро. Ты и есть та лягушка, которая создана для их болот.

Радикко. По-моему, Купидон из них собирает свой урожай и из них готовит свои яичницы с почками; аппетит же возбуждают не всякие бланмаиже и не перепелки с сахаром и розовой водицей, а жаркое да колбасы. Да и кто в здравом уме не пожелал бы насытиться солониной с капустой? Кто не возраждал бы супа по-ломбардски?

Полидоро. Не подобает тебе разглагольствовать о моей желанной и на том наれечни, на каком болтают о других женщинах.

Радикко. Раз так, то придется умолкнуть или перейти на тарабарщину влюбленного философа.

Полидоро. Иди, пошляйся где хочешь, ибо заветный час пробил.

Радикъо. Итак, ты ж бою готов? Гляди не осрамись.

Полидоро. Нахал!

Радикъо. Раз ты собрался там малость подзадержаться, пойду и я погляжу, где бы мне поприятие скротать время.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Воры, Боккаччо.

Первый вор. Вот мы и пришли.

Боккаччо. А дверь-то как будто заперта?

Первый вор. Попробуй.

Второй вор. Нет, только притворена.

Боккаччо. Приоткрой настолько, чтобы можно было пролезть.

Первый вор. Нечего тебе командовать!

Боккаччо. Да я не командую.

Первый вор. В этом гробу, гробнице, могиле или монументе, назови как хочешь, как раз при входе и лежит тот мессер, который, быть может, нарочно захотел лежать на пороге, дабы пристыдить мирскую гордыню тем, что каждый будет его топтать. Итак, засунь конец лома в эту щель. Напирай посильнее.

Боккаччо. Крышка сдвинулась.

Первый вор. Подсунь глубже.

Боккаччо. Есть.

Первый вор. А теперь оба приподымите крышку плечом.

Боккаччо. Ух, тяжела, проклятая!

Второй вор. Налегай!

Боккаччо. Живей!

Первый вор. А теперь мы ее поддержим, а ты полезай вниз.

Боккаччо. А вы за мнай?

Первый вор. Полезай, иначе, клянусь...

Боккаччо. Ты что, хочешь меня прирезать?

Первый вор. Дай сюда твой кинжал, пусть хоть трупом спустится вниз.

Боккаччо. Ой, обожди!

Первый вор. Тогда спрыгивай поживей, не то...

Боккаччо. Сейчас, готово!

Первый вор. Вот так давно бы!

Второй вор. Кольцо в первую очередь.

Боккаччо (надев рубин на палец, передает им митру). Пока примите это.

Первый вор. Посох!

Боккаччо. Даю.

Первый вор. Перчатки!

Боккаччо. Вот они.

Первый вор. Фелонь.

Боккаччо. Возьмите ее.

Первый вор. Ризу.

Боккаччо. Никак не могу ее стащить.

Первый вор. Пошевеливайся.

Боккаччо. Получайте. И пусть один из вас сюда спустится, ибо сам я не нахожу ни рубина, ни даже его половины.

Первый вор. Твоя ложь не помешает нам снять подпорку, и мы ее снимаем. Пусть крышка прихлопнет бравого перуджинца в отмщение за раздетого епископа.

Второй вор. Слышишь, как взревел этот храбрец, которого один только возглас «vivos et mortuos» мог бы привести в столь же великий ужас!

Первый вор. А теперь попробуй сдвинуть эту крышку хоть задницей, хоть ногами, если только тебе не хватает спины и головы.

Второй вор. Пошли восвояси. Мне кажется, что я уже вижу того человека, который, услыхав его крики, приведет сюда стражу, а те, обиаружив его в могиле, живо вздернут его.

Закавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Платаристотель, Радиккьо, за углом.

Платаристотель. Так как осторожность есть глаз, управляющий движениями нашего тела, и пока гнев все еще смущает меня своими вспышками, я не хочу спешить с местью. Конечно, гнев одолевает меня настолько, что я уже подобен светильнику, который перестал светить от преизбытка горючего. Это безбожное и зловещее преступление потрясает меня до самой глубины моих мозговых субстанций. Но, так или иначе, мне удалось сделать все, как я задумал. В довершение всего я запер его при помощи той простой хитрости, которую так ловко измыслил. А дабы увековечить позор этих презренных любовников, я, перед тем как его запереть, отомкнул ту дверь, которая прямо с улицы ведет в мой кабинет, ибо мне хотелось, чтобы через нее весь род человеческий сбежался на него посмотреть. Одного я боюсь — как бы негодование, которое я всячески обуздываю, все же не подняло факел своего неистовства, и тогда я уж не ручаюсь, что сумею сдержать себя при виде Полидоро.

Радиккьо. Как хорошо, что я здесь стою и подслушаю! Оказывается, он его и в самом деле накрыл.

Платаристотель. О враг справедливости и честности!

Радиккьо. Блаженны мы, любители служанок!

Платаристотель. А теперь, когда ярость все же утихла, хочу сходить к монне Папе и, показав ей столь постыдное зрелище, охладить в ией пыл той непонятой

привязанности, которую она питает к преступной своей дочери.

Радиккьо. Я вижу, что в городе все пошло вверх дном.

Платаристотель. Разиня!

Радиккьо. Сколько раз я ему говорил — не ходите ощупью...

Платаристотель. Негодяй!

Радиккьо. ...берегитесь маскарадов впопыхах...

Платаристотель. Я его жалею, хоть он мне и враг.

Радиккьо. О безмозглые служанки!

Платаристотель. Разве похвально покушаться на чужие права?

Радиккьо. Быть бы вам королевами!

Платаристотель. Пойду к ней, прямо по этой улице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Радиккьо, мадонна Тесса, Непителла.

Радиккьо. Наш узник, наверное, походит сейчас на грешную душонку в преддверии ада.

Мадонна Тесса. Сердце мое чует недоброе.

Непителла. Да и у меня плохие предчувствия.

Радиккьо. Чего вы расшумелись?

Мадонна Тесса. О Радиккьо!

Радиккьо. Кого вы ищете?

Мадонна Тесса. Твоего хозяина и владыку моей души.

Радиккьо. А! Вот оно что!

Мадонна Тесса. Где он?

Радиккьо. Ваш муженек не дурак и не промах, он вам скоро покажет, где находится владыка вашей души, приведет вашу мамашу, к которой он только сейчас отправился, а быть может, позвовет и ваших братьев.

Мадонна Тесса. Ты-то откуда знаешь?

Радиккьо. Я не только видел, что он за ней пошел, но и слышал от него самого, что он с помощью дьявола запер Полидоро среди своих книжищ.

Непителла. Скорее!

Мадонна Тесса. Куда ты?

Непителла. Я пропала!

Мадонна Тесса. Стой, говорю тебе!

Непителла. Вся вина падет на мою несчастную голову!

Радикко. Взломаем дверь, вызовлим его.

Мадонна Тесса. Вы что оба, сдурели, что ли? Ведь если кто сомневался в том, что женская премудрость способна творить самые неожиданные чудеса, внезапно находя выход из положения, то пусть он в этом убедится теперь, глядя, как я нашла целительное средство для данного случая, прежде чем даже успела толком об этом помыслить.

Радикко. Так успокойся же, Непителочка моя, лакомый ты мой кусочек, аппетитненькая ты моя крошечка.

Непителла. Ой, тошно мне, боюсь, боюсь, боюсь!

Мадонна Тесса. Уди, Радикко! А ты, Непителла, слушай меня внимательно: выведешь осла из стойла и приведешь его сюда, хочет он того или ие хочет; потом с помощью второго ключа, который у меня имеется от комнаты супруга, мы освободим Полидоро, а вместо него загоним туда осла.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Радикко, один.

— Эта чертовски хитрая выдумка стоит всего, что когда-либо делал или говорил этот откормленный боров царь Соломон. Однако, если бы случайно кабинет поэта оказался не в первом этаже, каким же способом можно было бы извлечь нашего Поликретушку из этого лабиринта? И как же он обкакается, когда поймет, что ему грозило за пренебрежение горняшками, душистыми, как мята, которой всегда благоухают задницы деревенских красоток? Эх, какой бы ночки я насладился, если бы хозяйка вздумала послать меня туда вместе с Непителлой! Уж я бы свое взял! Уж она бы у меня поплясала! Я чуть было сам не вызвался для этого поручения! Хоть знаю, что и черту лучше не связываться с такими бабами: они так хитры и

распутывают такие путаницы, которых не распутал бы распутыватель самых нераспутываемых распутностей, никем не распутанных в своей запутаннейшей запутанности. Однако вот и наша птичка, выпущенная на волю.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мадонна Тесса, Полидоро, Радикьо, Непителла.

Мадонна Тесса. Эздоро он тебя напугал?

Полидоро. Мрак уж больше никогда не застанет меня без светильника.

Радикьо. Что ж? Получили?

Полидоро. Ни вечерни, ни утрени ни одной не пропущу.

Мадонна Тесса. Мессер Платтоластика, не сомневайся и заруби себе на носу — все это мы превратим в комедию.

Радикьо. Он обалдеет, когда увидит превращение.

Мадонна Тесса. Непителла, сходи в спальню за лютней.

Непителла. Иду.

Радикьо. Вы собираетесь спеть своему супругу утреннюю серенаду?

Непителла. Вот лютня.

Мадонна Тесса. Отлично. Как только мой окомпаченный супруг подымет шум, вы с Полидоро выскочите на улицу и начнете распевать песни будто просто так, для развлечения.

Радикьо. И тогда эта трижды вываренная сопля будет вынужден клятвенно признаться, что у него ни черта не получилось.

Мадонна Тесса. Даже Сеннепа-богослов никогда до того не додумался бы.

Полидоро. Все задуманное вашей прокидательностью внушено божественным разумом, люсему я всегда буду это помнить и соблюдать нужные предосторожности, хотя беспокойство, ради меня вами испытанное, огорчает меня не меньше, чем невозможность получить то наслаждение, которое я предполагал с вами вкуснить.

Непителла. Ножичек обратно в ножны, не так ли?

Мадонна Тесса. Не сомневайтесь, мы свое возьмем, кровь моей крови и сердце моего сердца!

Радикъо. Поцелуйтесь же хоть раз! Живей!

Полидоро. Я облобызal вашу душу, прорвавшуюся сквозь ваши тубы.

Мадонна Тесса. А я — ваш дух, возникший на ваших устах.

Радикъо. Им и радость не в радость, лишь бы все на французский манер.

Непителла. Скорее в дом. Сюда идут: впереди один, а позади — целая компания.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сальвальо, один.

— Пока я шел, размышляя о том, почему мой философ заставил меня испех вооружиться, а потом сломя голову сюда лететь, я чуть не сдох от проклятущей жажды. А тут, как назло, кто-то еще стал говорить своему товарищу, будто не каждый, кто пьет, умеет пить, ибо не в том, мол, дело, чтобы с маxу опрокидывать, как это делают попы да монахи, но надо сперва налить в стакан, чтобы он зазвенел на все «соль, ми, фа, ре», а потом чуточку его от себя отодвинуть и, глядя, как вино поблескивает, шипит и брызгается, любоваться его жемчужинами, которые сначала бывают крупные-крупные, а потом становятся все меньше и меньше, пока не сойдут на нет. А уже тогда, говорил он, надо поднять чашу, наполненную до краев, так ловко, чтобы ничего не разлить, ибо сколько капель вина, столько капель крови, и, дважды причмокнув, сделать первый глоток, скорчив при этом рожу и приподняв одну бровь в ознаменование торжественного поглощения напитка. Если же отпить до половины большого бокала — ибо в маленьком таких чудес не бывает,— то небо наслаждается, десны упиваются, зубы омываются, а язык, как змейка, полощется в лужице, посыпая свои поздравления и зубам, и деснам, и нёбу. Наконец, после того как весь человек найдет себе точку опоры в чюгах, туловище — во рту, рот — в жажде, а

жажда — в смутном желании выпить все-все до дна, — глотка прилаживается к пищеводу, пищевод — к глотке и все препровождается куда следует. Под воздействием этой сладости желудок, легкие, печень, кишки и селезенка, взыграв, раздуваются, а чувства ощущений и ощущения чувств делают лицо пьющего алым, парным, веселым, гордым, просветительным, умиротворенным, могучим, язык в свою очередь смеется, глаза мечут искры, дыхание возрождается, жилы вспыхивают, кровь закипает, кожа разглаживается и мышцы укрепляются. Так говорил друг, скавший в заключение, что совершенство винных сортов заключается: в округности легких, в плотности мягких и в прозрачности острых и, уж конечно, в том «Светоние», который целует,кусает и брыкается. Однако я уже слышу хозяина, тещу и служанку, а посему я здесь спрячусь, чтобы в надлежащее время к ним присоединиться.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Монна Папа, Платаристотель, служанка.

Монна Папа. О боже, только я собралась вздрогнуть, только сон начал потихоньку смежать мои веки, как вдруг «тук-тук» этого человека их разверзает. И для чего, Папа? Чтобы услыхать от своей Тессы, что она — жемчужина без единого пятнышка. Так могут поступать только чаемные убийцы.

Платаристотель. Да идемте же!

Монна Папа. Я взяла с собой эту девочку, ни слова не сказав об этом ни Тессиным, ни моим братьям, чтобы они вас не прикончили, хоть вы это и заслужили.

Платаристотель. Крыса, сидящая в западне, заставит вас умолкнуть.

Монна Папа. Я должна была, как Евангелию, поверить честным людям, которые не советовали мне отдавать дочку этому грязному из грязнуль; он держит свое добро под семью замками, чтобы все думали, будто он все презирает, кроме тех изречений, которыми он иачинен и которыми досаждает первому встречному.

Платаристотель. Мое молчание — лучший ответ на ваши оскорбления.

Монна Папа. Если бы вы были знакомы с породой Джирасоле, вы отдали бы половину своего состояния, только бы к ией не принадлежать. А тебе что надо?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

**Монна Папа, Платаристотель, Сальвалальо,
служанка.**

Сальвалальо. Чтобы вы вели себя прилично в присутствии такого человека.

Монна Папа. Болван, лизоблюд!

Платаристотель. Не обнажай меча, ибо та, чей обман я изобличил, заставит ее замолчать навсегда.

Монна Папа. Надеюсь, что она проделает с вашим языком то, что вы хотели бы проделать с моим.

Платаристотель. Вот теперь мы и предстанем перед тем судилищем, которое должно нас рассудить. В этом самом месте, в этом самом доме, в этой самой комнате заключен тот, чье имя вы узнаете, а вместе с ним и весь комплот против моей чести. Сейчас я вызову Тессу.

Монна Папа. Это не может быть Полидоро потому, как я этому не верю, не верю потому, что не хочу верить, а не хочу верить потому, что этого никогда не было и никогда не будет, ибо вы осел и не в овоем уме. Клянусь честью, вы зарапортовались, дон Дристальдо!

Платаристотель. А Тесса-то? Какова?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

**Мадонна Тесса, Платаристотель, монна Папа,
Сальвалальо, служанка, Непителла.**

Мадонна Тесса. Кто там? Ой, да я вас не узнала!

Платаристотель. Выходи, выходи из дома, добрая, благонравная жена!

Монна Папа. Ручаюсь, что выйдет.

Сальвадальо. Дайте сказать тому, кому лучше знать.

Монна Папа. Займись своим делом, а нет, так помолчи.

Платаристотель. Смотрите, я открываю. Вот дверь, ведущая с улицы прямо в кабинет. А в кабинете заперт блудодей.

Сальвадальо. Хозяин, возьмите мой меч, чтобы вас не угомонили тут же при входе.

Платаристотель. Если потребуется, разрешаю тебе пустить его в ход.

Сальвадальо. Даже Роланд никогда не связывается с отчаявшимися влюбленными.

Платаристотель. Иной мести, кроме развода, я и не ищу, и с таким намерением я отпираю дверь, которая вот уже двадцать пять лет как не открывалась.

Монна Папа. Не удержался, прыгнул сюда же дверной юбилей!

Полидоро, появляясь как бы случайно и напевая:
«Quell'unico splendor, quel dolce lustre», проходит мимо, притворяясь,
что никого не видит.

Мадонна Тесса. Что с вами? Почему такая перемена в вашем лице при виде случайного прохожего? Не тот ли это кот, о котором вы говорили, что он попался на сало? Однако заварил дело, так продолжай! Ну, отопри дверь! А то, клянусь благословенным крестом господним, я сделаю то, чего ты никак не собираешься сделать. Но прежде чем я за это примусь, прошу, умоляю, заклинаю тебя, о иочь благодетельная, иочь благотворная, засвидетельствуй ты перед всеми божьими днями то, как страдают бедные девушки, выданные замуж за человека, не пригодного ни к чему, кроме пустой болтовни да мусолинья книг. Можно ли сказать о человеке чего-нибудь хуже, чем то, что он беседует с мертвцами? Однако не торчать же здесь до рассвета. Нá ж тебе, никчемная образина, грамотей ты несчастный! О, я хотела бы, чтобы каждый из вас видел, как я распахну двери кабинета перед этой надутой учениостью жабой, перед этим сундуком премудрости и покажу ему любовника, которого он так хотел показать всем вам!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Осел, монна Папа, Платаристотель, мадонна Тесса, Сальвалальо, Непителла, служанка.

Осел. И-а! И-а!

Монна Папа. Кривки осла — вот во что превратились вздохи влюбленных! Пустите меня, не хочу здесь оставаться!

Мадонна Тесса. Нет, мама, душечка, обожди!

Сальвалальо. Вы сделали из себя посмешище.

Монна Папа. Измордовать тебя хочется, скотина ты эдакая!

Непителла. Клянусь святыми дарами...

Монна Папа. Что? Языка лишился?

Платаристотель. В бой не вступаю, ибо победа была бы более позорной, чем поражение. Ясное дело, что человек, неспособный вообразить себе хорошее, только и думает о том, как бы совершить дурное.

Мадонна Тесса. Глядите, он все еще лается!

Платаристотель. Так как долготерпение нзобретено богам, то я и терпел вещи поистине нестерпимые; учитывая то, что природа дала нам два уха, дабы мы больше слушали, чем говорили, я буду слушать молча.

Сальвалальо. Я тоже.

Монна Папа. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Сальвалальо. Дело тут не в копыте и не в клешне.

Мадонна Тесса. Мама, прежде чем я вместе с вами отправлюсь домой, твердо решив никогда больше к нему не возвращаться, я хочу рассказать вам хотя бы часть тех гнусностей, о которых я, по доброте душевной и природной стыдливости, до сих пор умалчивала, чтобы вороны об этом повсюду не каркали. Так вот, именуя себя философом и оправдывая этим то, что жену свою он даже не лишил невинности, этот душегуб все время, предусматриваемое брачным контрактом для исполнения супружеских обязанностей, проводит в беспробудном пьянстве, как настоящая свинья. И только оттого, что за ужином он хватил лишнего, он и отважился запереть осла, которого вы здесь

видите. Впрочем, бедной скотине повезло, ибо хорошо еще, что ему не взбрело в голову заковать ее в цепи. Но поздни, рано или поздно я с тобой разочтусь.

Сальвадальо. Ради бога, прекратите! А впрочем, продолжайте на шутку зевак и ремесленников, которые от иечего делать побежались поглазеть на столь редкостный фарс.

Монна Папа. Вот до чего я дожила! Боже, с каким негодяем пришлось породниться!

Мадонна Тесса. Скажи мне, сонная улитка, неужели ты воображал, что мог меня утешить, забивая мне голову всякими философиями, когда я, лежа рядом с тобой в постели, так и не могла уснуть? Что мне за дело, светятся ли светлячки воздушным или бестелесным огнем? Неужели же я должна страдать оттого, что не узнаю, поет ли цикада задницей или поясницей? Или ломать себе башку над вопросом, почему шелковичный червь влезает в кокон в виде червячка, а вылезает из него в виде крылатой бабочки? Дело головоломное и вовсе не женское — доискиваться, почему через щель лучше видно одним глазом, чем двумя, или решать вопрос, обладает ли муравей воображением или нет? Пускай обладает, а если нет, тем хуже для него. Ха-ха-ха! Не над тем смеюсь, что он силялся понять, почему внезапно потушенная свеча, если поднести к ней пламя, снова вспыхивает от остатков собственного дыма, но над тем, как он доказывал, будто гром — это ветер, испускаемый облаком. Что? Не верите? Но клянусь это так, ведь я-то знаю, как он смердит!

Платаристотель. Так как мудрая философская профессия учит нас сносить любые невзгоды, я безропотно терплю не только обман на деле, но и ее оскорбление на словах.

Мадонна Тесса. Вы должны были ублажить ту природу, которая у нас между ног, а не ту, что мы видим в вещах, и тогда ослы оставались бы в своих стойлах и не орали бы в наших комнатах.

Монна Папа. Мало она тебя отчитала! Да и то, поди, половины не высказала! Небось не знаешь, что и ответить? И тебе не стыдно? Однако пора домой, а ты, вражье семя, скройся под землю.

Мадонна Тесса. А теперь, когда я слегка отвела

свою душу, я хочу, чистая и нетронутая, вернуться туда, где я родилась. Идемте, мама.

Платаристотель. Заовети этот огарочек, дочь моя, возьми фонари! А теперь можете идти.

Мадсина Тесса. А ты не забудь захватить распятие. Оно тебе понадобится, как только наши обо всем узнают. Ты же, Непителла, следуй за мной.

Платаристотель. Проводим их до конца улицы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сальвалальо и Платаристотель.

Сальвалальо. Да, тут дела хватит на всех.

Платаристотель. Ужели возможно, что, едва начавшись говорить, я должен умалчивать о том, что утверждает сердце?

Сальвалальо. Пошли домой, там вы запретесь в своем кабинете, как делали это раньше, а я отведу добрею юношескую ухаживать за своей кормушкой. А пока пусть эта парочка разглагольствует друг с другом.

Платаристотель. Множество слов, в котором преобладало невежество, послужило мне доводом не в ее пользу.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Радикко, Полидоро.

Радикко. Пока мы тут шпионили, оказалось, что хозяйка ушла со своей матерью и так обозлилась на своего мужа, что завтра утром наверняка пошлет за вами и задержит вас у себя на щелюю вечность.

Полидоро. Скорей домой, ибо я глубоко потрясен своей неудачей и несправедливостью судьбы.

Радикко. Я это заметил по бренчанию лягни, по дрожи в голосе, так что, боюсь, не пришлось бы пустить вам кровь.

Полидоро. Должен тебе сказать, что любой на моем месте попался бы — так этот негодяй сумел обмануть меня своим шелотом. Я без колебаний принял его за нее.

Радикко. Подагрой болеют не от чеснока, лука или порея, а от павлинов, фазанов и скворцов. Не от зиоя и не от стужи томятся и коченеют бедняги, которым иечем одеться по погоде, но вы, сильные мира сего, не ведающие никаких невзгод, изнываете от жары и трясетесь от холода.

Полидоро. Что ты хочешь этим сказать?

Радикко. А то, что высокопоставленные нимфы и знатные богини часто губят человека, служанки же никогда. Их любовь не менее надежна, чем укрытие, защищающее от ветра человека, плохо одетого в январе; они — мед без воска, сало без кожи, персик без кожуры.

Полидоро. Я так устал, что не стою на ногах.

Радикко. Обопритесь на меня, а огоиек, что тлеет в черепушке у этих прохожих, будет светить нам до самой кашей двери.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Полупоп, Сфратато и Кьетино.

Полупоп. Если бы кто-то в свое время сказал монсеньеру скойнику, когда он покупал себе те драгоценности, которые сейчас на нем, что они будут принадлежать тому, другому и третьему, он наверняка содрал бы с себя шкуру собственными руками.

Сфратато. Но ведь такие, как он, не покупают, а грабят. Если бы он это предвидел и даже сказал: «Что ж, пусть вся эта мишурा пойдет по рукам от Байанте к Ферранте», то, пожалуй, сам рассмеялся бы.

Кьетино. Вот что я надумал: как только мы вытащим оттуда перчатки, митру, посох, фелонь, ризу и туфли, хорошо было бы — не то нас проглотит сам Сатана, — если бы один из нас переоделся священником и во имя *del rax fil fegatelo* отпустил всем иам иаши *furtorum furtarum*.

Сфратато. Ха-ха-ха!

Полупоп. А не знаешь ли ты, ржоклят, что это за толпа окружала сегодня трактир «Колокол»?

Сфратато. Если бы ты там был, то увидел бы такую жульническую проделку, какой не выкинет ни один шарлатан в своем балагане.

Кьетино. Я-то знаю, что ты хочешь сказать.

Сфратато. Тогда иди вперед, отляди все углы, а если кого увидишь, кашляни или громко сплюнь.

Кьетино. Разумно.

Полупоп. Продолжай.

Сфратато. Какой-то рослый малый, голова, что твой котел, глазища, что у бесноватого, рот огромный, морда, как у турки, бородища лохматая, космы длиниющие, одетый в отрепья, забрался на помост и, разглагольствуя, как проповедник, пронзительным голосом объявил всему обществу, сбежавшемуся на его брехню, что он покажет дьявола вся кому, кто заплатит байокко, так что и я оказался одним из них и, желая уяснить себе, так ли он страшен, как его малютят, заплатил то, что с меня причиталось.

Полупоп. Дальше.

Сфратато. И вот я стал так расталкивать толпу то одним локтем, то другим, что оказался в первом ряду. Между тем лохматый берет два мешка и, открыв один из них, говорит: «Смотрите! Ничего ие виднте?» Ему отвечают: «Ничего», а он свое: «Вглядитесь толком!» А когда ему ответили то же самое, он закричал: «А теперь примечайте! Как вам кажется? Что в другом?» Когда же все завопили: «Да ничего там нет!» — он сказал: «Ведь то, что там нет ни гроша,— это и есть дьявол, так пусть он приберет полупопа, если только тот ие перекинется от хохота».

Кьетино. Поторапливайтесь, иашли время для болтовни.

Сфратато. Церковь, как видно, отперта.

Полупоп. Отперта, чтобы нам было меинше работы.

Сфратато. Эй вы, взломщики! Стройся!

Кьетино. Отойдите, мие не видно!

Сфратато. Ты у нас за главного.

Полупоп. Ба, да тут есть подпорка! Как раз то, что нам нужно.

Кьетино. Начало отличное. Теперь дело в том, кто захочет спуститься туда первым.

Сфратато. Бросим жребий. Кому выпадет, тот и поглезет.

Полупоп. Чего испугались? Как бы он вас ие проглотил? Живых, а не мертвых надо бояться. Это они сожрут, зубами перетрут и костей не оставят.

Кьетино. Верно ты говоришь, но...

Полупоп. Что значит «ио»?

Сфратато. Ты храбришься, а первым идти боишься.

Полупоп. По мне, так ничего не стоит лечь на край ямы, спустить ноги и... Ой! Помогите! Помогите! Кто-то схватил меня и тянет вниз!

Сфратато. *Patris et Filio et Spirito!*

Кьетино. Господи помилуй!

Сфратато. Не хватайся за меня!

Кьетино. Обожди, не бросай меня тут!

Полупоп. Я мертв. Шерсть стоит у меня дыбом! Я уроил башмак! Нельзя шутить с христианской верой. Но что я вижу? Что это за тень? Ой! Только бы его душа в меня не вселилась! Кьетино! Сфратато! Поди ищи их! Уж лучше я как-нибудь сам поплесусь в эту сторону.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Боккаччо, один.

(Вылезая из могилы.) А все-таки я вылезу! Ну-ка, тело мое, выбрасывай меня отсюда, а вы, юленки, простите меня, что я всем весом на вас опираюсь и жалчу. А теперь я готов жувыркаться во славу моего «*resurrexit, et non est hic*». Боккаччо, бедный ты мой приятель! Хотя желанный час и настал, а все-таки я не думал, что выберусь отсюда раньше, чем *tertia dies*. А уж в судный день я, конечно, торопиться не буду; пускай себе труба возвглашает: «Седлай коней» и «По коням», я сплю чуть-чуть подольше других, ведь они воскреснут во мгновение ока, а я, когда наконец проснусь, смогу заявить, что ожидал дважды. Однако, по мере того как страх смерти сменялся в моем сердце тем страхом, который виушал мне покойник, я стал рассуждать: «Ведь не я же наточил стрелы, грабли и ножи, которые пронзали, царапали и свежевали святого Варфоломея, святого Власия и святого Себастиана? Ведь нужник, куда я свалился по глупости, и колодезь, откуда меня вытащили по необходимости, были конфетками по сравнению с тем склепом, в который меня толкнуло собственное отчаяние и угроза двух предателей, отчего я на некоторое время и обалдел». Зато и возликовал же я, когда передо мной разверзлась дыра, через которую я вылез на свет божий, не дожидаясь клича: «Лазарь, *veni foras!*». Но так как комедии, разыгрываемые школярами, заканчиваются пением *gaudeamus*, я говорю себе: «*Valete e plaudite*» — и самого же себя с этим поздравляю. Между тем добытый

такой ценой карбункул — причина, по которой я не испытываю ни позора, оттого, что я в одной рубашке, ни стыда оттого, что водили меня за нос. Итак, я отправляюсь вовсю, как говорят Маффя, с тем чтобы завтра на рассвете дать отсюда тягу. Но кто эти женщины? Какие-то «бисодии». Спрячусь-ка я здесь, покуда они не скроются.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бетта, Мэа.

Бетта. Нечего извиняться за то, что ты заставила меня подняться с постели ради столь югоугодного дела.

Мэа. И точно, голько твоя расторопность, то, что ты сумела заворожить настоятельницу и заговорить ей зубы своей болтовией, заставили ее поверить, будто боли, которые помогли ей родить, те же, какие бывают от прострела в боку.

Бетта. Ты видела, как я схватила младенца одной рукой, а другой заткнула ему рот так, что он и дышал и не страдал.

Мэа. Как же видеть? Конечно, видела.

Бетта. Это заметила только одна из монахинь; чтобы мне не мешать, она засунула себе палец в рот в знак того, что будет молчать.

Мэа. Едва эта несчастная, забеременевшая от того, кого ты знаешь, прислала за мной, я уже мысленно была у тебя, Бетта, ибо ты же менее скрытна, чем ловка.

Бетта. И слава богу!

Мэа. Теперь у малыша будет хорошая нянька, а тебя вознаградят еще лучше, так что возвращайся домой, да и я собираюсь вовсю.

Бетта. Ух! Совсем забыла о твоем перуджинце.

Мэа. В чем дело?

Бетта. Под вечер он вышел из дома, по-моему, с чьей-то служанкой; я-то ждала его к ужину, а он так и не явился.

Мэа. Не приключилась ли с ним какая беда? Но — ба! — кого я вижу? Не он ли?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Боккаччо, Меа, Бетта.

Боккаччо. Он самый и, что самое удивительное, жив-живехонек!

Меа. Но почему в одной рубашке?

Боккаччо. Это мое дело, голубушка.

Бетта. Мы тебя заждались.

Меа. Азарт — дурной порок.

Бетта. Скорей всего грабители.

Боккаччо. Скажи лучше — грабительницы, и будешь права.

Меа. Уж признайтесь, что продулись в картишки. Так-то будет вернее.

Боккаччо. Дело в том, что я проигрался без карт и отыгрался без костей. Не сумею вам сказать когда, но одна женщина вывела всю мою родословную до третьего колена. Дома я расскажу вам как я чуть не подох тремя смертями: первой — среди навозных жуков, второй — среди рыб и третьей — среди червей. Однако дело обернулось лучше, чем я думал, и гораздо лучше, чем это заслуживает человек, признающий, что любая потаскуха — и скажу, женщина — способна содрать с него все, вплоть до волос и кожи.

Бетта. Ты не замерз?

Боккаччо. От холода да от страха и в январе станет жарко.

Меа. Я пойду с вами, чтобы вас почистить; вижу, что в этом вы здорово нуждаетесь.

Боккаччо. Дома все расскажу.

Меа. Только бы в этом деле не была замешана Туллия, с которой я о вас давеча разговаривала.

Боккаччо. Она самая — ни более и ни менее.

Меа. Мерзкая, сволочь, воровка!

Бетта. Хорошо еще, что ты остался в живых.

Боккаччо. Все так считают.

Бетта. Скорее, чтобы эти люди нас не увидели.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Платаристотель, Сальвадальо.

Платаристотель. Не полагаешь ли ты, что смиренномудрие достойно истинного мудреца?

Сальвадальо. Думаю, что не следует возлагать на голову то, что носишь на ногах.

Платаристотель. Хорошие или дурные последствия проистекают либо от дурных, либо от хороших причин. А следственно, ие отдавай я предпочтения созерцанию первопричин перед супружескими своими обязанностями, то есть, иными словами, делай я то, что должен был бы делать, она, быть может, и не запятала бы своей чести.

Сальвадальо. Вы наиразумнейший из разумных людей.

Платаристотель. Не хочу вдаваться в банальный ход рассуждений о том, почему всякое зачатие — разложение, и всякое разложение — зачатие, ибо как зачатие яйца, так и зачатие вечного существа не имеет начала, так что каждое яйцо происходит от курицы и каждая курица от яйца.

Сальвадальо. Галиматья, бред собачий.

Платаристотель. Я не таков, чтобы утруждать себе мозги вопросом о том, какая любовь более возвышенна — высшего к низшему или же низшего к высшему, и почему цель чувственной любви — наслаждение. И мне нет дела до того, что она в чувствительной душе становится страстью, но я берегу локой интеллектуальных радостей, не причиняющих никаких страданий любящему интеллекту, и я согласен насладиться той женщиной, которой насладился другой, хотя в принципе я всегда мечтал об интеллигibleйской красоте, а не об осязаемом добре.

Сальвадальо. Только бы вы не забывали обращаться со мной по-прежнему, и все пойдет на лад.

Платаристотель. Более того, я всегда буду помнить, что должен обращаться с тобой еще лучше, а потому перенесись в то обиталище, куда скрылись и супруга моя, и теща моя, и служанка моя, и, клятвенно засвидетельствовав им мое решение, приятое мною после всего, что случилось, добейся того, чтобы они вернулись домой. А пока что я удалюсь в эту сторону, а ты удались в ту.

Сальвадальо. Отгорчаюсь и проклинаю судьбу за то, что не обладаю красноречием вашей милости, ибо, если бы я им обладал, я склонил бы ее с той же легкостью, с какой магнит карт склоняет к себе игрока.

Платаристотель. От того, кто делает то, что может, и говорит то, что знает, больше ничего и не требуется.

Сальвадальо. С просьбой поверить в мои добрые намерения удаляюсь выполнять поручения вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Платаристотель, один.

— Одно дело — объяснить, как следует добиваться того, чтобы женщина с ненасытной похотью и настойчивая по природе не решалась делать того, чего она делать не должна, другое — ясно показать, каким образом бесконечное может быть включено в конечное и какова та бесконечная красота, которая может запечатлеться в конечном рассудке. Правда, созерцающий ум способен представить себе, каким образом глаз видит целое полушарие, отражающееся в крохотном зрачке не в своей небесной величине и природе, а в соответствии с вместимостью и размером зрачка. Однако ои не сумеет распознать, каким образом в столь маленьком женском сердечке вмещается алчность настолько безбожная, что нет ничего более страшного по своим последствиям, как желания женщин, которые они считают возможным удовлетворять. Глаз орла, видящий и преображающий в себе великое солнце не таким, каково оно есть в действительности, но лишь в той мере, в какой зрение этой птицы способно его воспринять, глаз этот менее непостижим, чем нахождение способа, которого следует придерживаться, дабы ты мог удовлетворить хотя бы жениу. Это зависит в конечном счете от мудрости мужа, его находчивости и его опыта. Так вот, женщины созданы природой наподобие растений, хотя бы в том отношении, говорю я, что те производят плоды, а эти рождают потомство, и, подобно тому как деревья высыхают от недостатка воздуха, солнца и влаги, точно так же и выше-

названные женщины ожесточаются, если им отказывать в тех правах, которые предъявляются плотским совокуплением. Таким образом, желание, вспыхивающее в них по случаю соединения их с мужчиной, порождается самой природой, а не похотливостью их воображения. Посему необходимо считаться с их привилегиями, предусмотренными таинством брака, ибо даже правосудие, если отнять у него его обязанности, превращается в тираннию. И какой бы злостной похотью ни была исполнена жена, безупречное поведение мужа сдерживает ее настолько, что самые выходки ее подчиняются его благородству. Несомненно, что разум супруга внушает порокам его жены тот страх, которым строгость закона удерживает преступников. И не приходится сомневаться, что строгость таких мужей становится для распущенности этих женщин тем же, чем ограда зверинца служит для безрассудства диких животных, туда заключенных. Словом, обязанности мужей перед женами подобны тем колючим изгородям, окружающим сады для того, чтобы никто не мог похитить те плоды, которые похищает каждый, когда повсюду открыты лазейки. И в заключение приведу в пример волков, медведей и львов, в которых, под страхом бича их укротителей, природная свирепость превращается в привычку к притворной кротости.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мальчик, Платаристотель.

Мальчик. У! У!

Платаристотель. Что ты здесь делаешь на пороге в столь поздний час, пузырь ты ёдакий?

Мальчик. Ой, хозяин! У! У!

Платаристотель. Чего ревешь?

Мальчик. Я прилег не раздеваясь, чтобы чуточку поспать, как вдруг мне показалось, что вы меня зовете, и я, протирая на ходу глаза, побежал к вам в кабинет; оказался он не заперт, я вошел и увидел, что некоторые книги лежат растерзанные и распластанные, и я боюсь, как бы мне от вас не влетело.

Платаристотель. И это все?

Мальчик. Да, господин.

Платаристотель. И что же?

Мальчик. Осел сделал на них свои дела.

Платаристотель. Так поди же с досады сделай и ты свои, как я сделал там свои, хотя ценю эти книги гораздо больше других, но начинаю подозревать, что астрологи и в самом деле ослы. Ведь не в пример тому ослу, который, потерев морду об стену при выходе из стойла, дал понять своему хозяину, что завтра будет дождь, наш осел, облегчив себе брюхо там, где ты говоришь, предсказал также и мое решение никогда больше не оставаться в дураках. Таким образом, я получил даже слишком много пользы от приключившегося со мной случая.

Мальчик. Хуже... У-у-у!

Платаристотель. Дом, что ли, заторелся?

Мальчик. Дай бы бог!

Платаристотель. Что-о? Негодяй ты эдакий!

Мальчик. Я это сказал потому, что иначе хозяйка и служанка не удрали бы.

Платаристотель. Иди ложись, все образуется.

Мальчик. В доме все плачут, и двери частежь.

Платаристотель. Придется мне пойти самому и всех успокоить.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мадонна Тесса, Сальвалальо, монна Папа,
Непителла, служанка монны Папы.

Мадонна Тесса. Вот я и вернулась, но не для того, чтобы вернуться, а для того, чтобы взять то, что я привнесла с собой туда, куда мне лучше было бы никогда не ступать.

Сальвалальо. Я нас я, если вы того ие сделаете.

Монна Папа. Вот уже несколько дней, как я стала примечать, что хозяин искал только случая придраться к ней.

Непителла. И я это заметила, вы мне сами об этом говорили.

Сальвадальо. Вам тоже так казалось, хозяйка?

Мадонна Тесса. Еще бы, каждая мельница требует воды.

Монна Папа. Ты слышишь?

Сальвадальо. А может быть, и...

Мадонна Тесса. Муж должен ласкать так, как надрезанный хлебец ласкает жареное мясо, пропитывающее его своим жиром.

Монна Папа. Ох уж скажет, так скажет!

Мадонна Тесса. Разве я из тех женщин, которым говорят: «А ну отвались!»? Нешто я беззубая старуха? Ужели я кажусь тебе такой, каких и на мостовой-то редко встретишь? Настолько безобразной, что со мной противно иметь дело?

Сальвадальо. Ну, что до этого, то он виноватей виноватого.

Монна Папа. Вот теперь ты дело говоришь.

Мадонна Тесса. Этот болтун должен был лелеять меня, обрабатывать, как садовник обрабатывает сад, забавляясь со мной, а не возиться с книжицами да всякими бумажками.

Сальвадальо. Лучше поздно, чем никогда.

Мадонна Тесса. А с какими воплями дубасил он ногами в дверь своего кабинета? И для чего? Для того чтобы покуражиться выпитым вином и в обличье живого осла похвастаться своим ослиным словоблудием?

Сальвадальо. Вспышки его гнева подобны летним облакам.

Мадонна Тесса. Так что он готов излить на меня благоухание своих ласк? Не так ли?

Сальвадальо. Клянусь вам, единственная, отменная и высокочтимая хозяйка, клянусь вам тремя ломтями черствого хлеба, которые мне достались как раз тогда, когда в Галилее утоляли толод щелотого моря людей, а я поспешил туда на крик из одного праздного рогозейства, клянусь вам, что теперь мессер всю власть предоставит вам!

Монна Папа. Если бы я рассказала родичам все обстоятельства этой гнусной истории, с чим не то что стали бы вести переговоры, а поступили бы совершенно на-против.

Мадонна Тесса. На этот раз мы с тобой блеснули благородствием, которого хватило бы на всю нашу семейку.

Сальвалальо. Никогда не следует доводить дело до худшего из исходов.

Мадонна Тесса. То, что я считаю позором для моего дома — о его доме я ии капельки не забочусь, — при-нуждает меня к тому, к чему ни одно принуждение не могло бы меня принудить. Конечно, если бы вся округа не была переполнена слухами о домашних наших глупостиах...

Монна Папа. О, как чудесно светит луна!

Сальвалальо. Это к чему?

Монна Папа. Кажется, что ночь сменилась днем...

Сальвалальо. А и в самом деле, вон шествует наш хозяин!

Мадонна Тесса. Тише, пусть лучше мы его выслушаем, а не он нас.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

**Платаристотель, мадонна Тесса, монна Папа,
Сальвалальо, Непителла, служанка монны Палы.**

Платаристотель. Бентивольо решил окрестить меня вторично, с тем чтобы наша супруга, следя по стопам столь сладостного имени, проникла до самого средоточия этого сердца, в коем она обитает на веки вечные.

Сальвалальо. Что вы говорите?

Мадонна Тесса. Молчи!

Платаристотель. Но как могло статься, чтобы умы мудрецов так легко погружались в глупчину безумия?

Мадонна Тесса. Это он о себе.

Платаристотель. Так вот, брак, производящий потомство в духе таинства веры тех, кто в него вступает, удалился от моего разумения дальше, чем я знал приблизиться к той истине, которая иные меня наставляет, так что я осуждаю, мало того, обвиняю книжную премудрость, ради коей я впал в заблуждение, требующее исправления.

Мадонна Тесса. Продолжай свою исповедь.

Платонистотель. Отныне к тебе, Тесса, будет направлено мое желание бессмертия, которого я мнил достичнуть на стезе философии.

Мадонна Тесса. Иной раз и зло может привести к добру.

Платонистотель. Жены заслуживают скелетр мученичества и венец блаженства, ибо все их козни, все их гордыни и все их проступки искупаются той мукой, которую они терпят во время беременности, вкупе с ужасом тех страданий, которыми они терзаются, когда плод стремится покинуть их чрево.

Мадонна Тесса. Речь его боговдохновенка.

Платонистотель. Поистине они умирают всякий раз, как рожают, и воскресают всякий раз, коли не умирают от родов.

Монна Папа. Моя ненависть превращается в любовь.

Платонистотель. Словом, поскольку в самом факте единства, примиряющего одновременно и жену с мужем и мужа с женой, привязанность их взаимно согласуется настолько, что два сердца образуют одно сердце, две души — одну душу и две воли — одну-единственную волю, постолько, говорю я, в этом случае дом становится для него раем, родственники — ангелами и сама жизнь — блаженством.

Монна Папа. Этот человек изрекает, как перед смертью.

Платонистотель. Но будь даже другая причина тому, что со мной случалось то, что случалось, а именно — что я решил сменить науку философическую на науку любви, я, во всяком случае, преодолел в себе ту гордыню, которая в дерзости своей, не довольствуясь проникновением в позиции естества вещей, мнит, что может подняться до понимания вещей сверхъестественных.

Сальвадальо. Покажемся ему.

Мадонна Тесса. Он повернулся лицом к нам.

Монна Папа. Приблизимся, раз он нас заметил.

Платонистотель. Так и есть, это — она!

Мадонна Тесса. У! У!

Платонистотель. Не плачь, а смеяся, о ты, мой Платонов «Пир» и моя Аристотелева «Политика»!

Монна Папа. Все же как хорошо, когда люди не кривят душой.

Сальвальо. Еще бы!

Платаристотель. Привет тебе, о ты, моя загадка!

Монна Папа. Сначала оскорблять человека, а потом затоваривать ему зубы — это, пожалуй, уж слишком!

Платаристотель. О ты, кумир, образ и подобие божественной красоты, привет тебе!

Монна Папа. Святое дело — признавать свои ошибки.

Платаристотель. О ты, мой хаос в материальной форме, помилуй мя!

Мадонна Тесса. У! У! У!

Платаристотель. О вселенский интеллект со всеми идеями, тобою порождаемыми, помилуй мя!

Мадонна Тесса. Прежде я была той, кто делала и говорила!

Платаристотель. О лань любви, о козочка граций, приди, приди!

Сальвальо. Так будьте же с ней ласковы!

Платаристотель. Приди ко мне, о ты, извечно сопричастная и бесной красоте!

Непителла. Не хватает только, чтобы вы захотели ее съесть. Клянусь душой...

Сальвальо. Заткнись, сводня!

Непителла. Ишь, раскричался!

Монна Папа. Признайтесь, кто вас околдовал? Быть может, это вас какая-нибудь красотка наставила на путь истинный?

Платаристотель. В то время как я перипатически рассуждал о божественной сущности, сиотвориая сила одолела меня так, что я уснул. Между тем мозговые колебания расшевелили мою особу, после чего, приложив ухо к двери твоей комнаты, мне показалось, что я слышу...

Мадонна Тесса. Понимаешь, Непиттела, я еще тебе сказала, услыхав запах его дыхания: «Вот и мессер, который пришел за нами шпионить. Уж я ему отомщу за это», и тогда нарочно громко произнесла: «Полидоро что-то замешкался».

Непителла. Да, так оно и было, клянусь честью!

Мадонна Тесса. Имя этого юноши сорвалось у меня с языка потому, что он — писаный красавец, прямо воплощение бога любви.

Платаристотель. Значит, он все-таки попался?

Сальвалальо. Волк тоже попался на хитрость лисы.

Непителла. Как это он попался?

Сальвалальо. А так. Лиса залезла в ведро, и ведро спустилось на дно колодца. В это время у колодца появился волк. Лиса попросила его сесть в другое ведро. Волк, понятно, оказался тяжелее. Ведро с волком опустилось на дно, а ведро с лисой поднялось. Увидев это, волк спросил: «Куда ты, кума?» А она в ответ: «Мир подобей лестице».

Моника Папа. Поэтому один поднимается, а другой опускается.

Сальвалальо. Так оно и есть, кума.

Непителла. Так, значит, и волки ловят лисиц?

Платаристотель. В текстах Венеры говорится о женщинах, которые, будучи феями, превращают мужей в оленей, а любовников — во выночных скотов. Что же касается моих интересов, то я, которого можно по желанию превратить из человека в быка, барана или козерога, присуждаю звание волшебницы той, кто сумеет это сделать.

Мадонна Тесса. О отец мой, о супруг мой, о господин мой, если я это сделала, то прошу прощения; если я этого не делала, то тоже простите мне то неудовольствие, которое вы испытали, думая, что я это сделала. И наградой за эту милость да послужит вам мое желание никогда больше этого не совершать и до конца моей жизни не давать вам повода думать, что я когда-либо это сделаю.

Платаристотель. Сердце мое радуется, когда я слышу столь похвальные слова.

Мадонна Тесса. Я — женщина, я это доказала своим проступком, точно так же вы доказали, что вы мужчины, простили меня.

Платаристотель. Так как грех, совершающий грешником, ничто по сравнению с преступлением того, кто его на этот грех толкает, то вот я и умоляю тебя о том же, о чем ты умоляла меня.

Моника Папа. Я вся *in symbali bene sunantis!*

Мадоина Тесса. Служанка, которая будет рабыней ваших служанок, как милостыню, просит прощения за свою вину.

Платаристотель. Я тебя обижаю и хочу тем самым сказать, что благодарю тебя за это ех *corde*, ибо, прося меня о милости, которую я тебе оказываю, ты лишь усиливаешь во мне чувство собственного достоинства и великодушия, самое проявление которого открывает мне путь к богопознанию.

Сальвалальо. Придет миротворец Маркон и всех вас в конце концов ублажит.

Платаристотель. А теперь, когда ты убедилась, что женщина красивая и бесстыжая подобна гробу, поваленному, но полному червей, я, отмстивший тебе тем, что простили тебе обиду, которой ты могла запятнать мою честь, прошу господа божа оказать мне великую милость; пусть же в эту ночь, во славу господа нашего, зачнем мы наследника всего нашего имущества и преемника нашего по крови.

Монна Папа. У-у-у! Не могу удержаться от слез.

Сальвалальо. Плакать от радости — маина небесная.

Платаристотель. Непителла, ты первая войдешь в дом. Подыми всех на ноги, чтобы соорудили ужин по твоему вкусу, и пусть все члены нашего семейства будут приглашены на эту юную свадьбу.

Сальвалальо. И пусть прирежут всю живность, сколько бы ее там ни было.

Непителла. Еще бы, по такому случаю!

Платаристотель. Входите, теща!

Монна Папа. Если вас пропишут в календаре и, значит, вы в него попадете, дело дойдет до того, что мужья научатся — хотя бы ценой битой посуды — душить своих жен когтями скрытности либо же одинаково хорошо обращаться с ними как дома, так и на людях, научатся не заставлять их постоянно колебаться между «да» и «нет».

Мадоина Тесса. Идемте, мама!

Монна Папа. Ой, четки упали! На других я и одной молитвы не прочитаю!

Мадоина Тесса. Поищи их, Сальвалальо, а ты (служанке) помоги ему.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Сальвадальо, служанка монны Папы.

Сальвадальо. Чего это ты все молчишь?

Служанка. А что я должна сказать?

Сальвадальо. А то, что хоть ии черта и ие видно,
а они изверняка где-то тут рядом.

Служанка. Почему ты так думаешь?

Сальвадальо. Подумай, ио прежде ответь; разве
мое сердце не заключено в твоем?

Служанка. Почем я знаю?

Сальвадальо. Конечно, оно там, где же ему быть
еще?

Служанка. А что мне делать с этим твоим сердцем?

Сальвадальо. Женщина — тот же сокол. Ничего
другого она не ест, так почему бы не оторвать от него
кусочек?

Служанка. А вот четки, между твоих ног.

Сальвадальо. Подойди и подбери их.

Служанка. Ты лучше догони меня сперва.

Сальвадальо. Обожди, подберу четки.

Служанка. Знаешь, туищи-ка дурочек в Лукке.

Сальвадальо. Все равно, как ни хитри, а до тебя
доберусь!

Занавес